

18+

Григорий Иванович Державин

СЧАСТЛИВОЕ ЗАВТРА

Вячеслав Дергачев

Счастливое завтра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63077568

ISBN 9785005172723

Аннотация

Каждый из Нас верит, что однажды наступит то самое «завтра», когда все станет по-другому. Когда больше не нужно будет притворяться, когда тебя поймут, простят и полюбят. В том самом «завтра» Нам не о чем жалеть, некогда грустить, нечего бояться. Весь мир – это игра, в которой нет правил, нет судей, нет проигравших и победивших. Это бессмысленная череда событий, ведущих к одному финалу. «Счастливое завтра» – это безрадостное сегодня, в котором не хочется просыпаться.

Содержание

1	5
2	9
3	16
4	26
5	41
6	55
7	59
8	73
9	88
10	98
11	106
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Счастливое завтра

Вячеслав Дергачев

© Вячеслав Дергачев, 2020

ISBN 978-5-0051-7272-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

На часах было 5:45. Джейн Саммерс лежала на кровати и в ожидании звонка будильника смотрела, как солнечные лучи медленно ползли по стене комнаты. Она не спешила вставать. Лежа в кровати, Джейн собиралась с мыслями, поскольку день обещал быть непростым. Как и любой другой, он был распланирован по минутам. И сейчас женщина медленно пробегала по всем пунктам запланированных мероприятий.

Ровно в 6:00 слащавый голос радиоведущего нарушил тишину комнаты.

«Дooooooooооброе утро, Карл-Хилл! За окном сегодня 12 сентября, воскресенье. Прекрасный осенний денек, которой обещает стать еще лучше, если вы начинаете его вместе со мной и потрясающей песней молодого исполнителя из Нью-Йорка...»

Резко голос энергичного радиоведущего оборвался – поскольку это утро, Джейн решила начать его в тишине и покое.

Опустив ноги с кровати, она ощутила ворс белоснежного ковра, который напоминал ей холодное покрывало ее родины – Аляски. Сжимая ворсинки пальцами ног и расплывшись в улыбке, Джейн позволила себе унестиcь вслед за воспоминаниями ее далекого детства в те времена, когда ее мать

еще была жива. Но сегодня был важный день. Поэтому, отбросив воспоминания о прошлом до лучших времен, женщина резко встала с кровати и принялась ее заправлять.

Это была одна из черт ее характера. В ее квартире невозможно было увидеть разбросанных вещей, кучи грязной посуды, стоящей в раковине, как попало сложенных книг на полках или годами нетронутой пыли. Можно было смело отдать дому Джейн второе место в списке самых чистых. Он уступал разве что хирургическим палатам местной больницы.

Кто-то мог бы подумать, что за такой щепетильностью к чистоте может скрываться психологическое расстройство, но хозяйка дома считала:

«Чистота в доме — чистота в душе!»

Добившись идеальной симметрии подушек, Джейн оглядела кровать и расплылась в одобрительной улыбке. Если бы в этот момент кто-то был в комнате, то он мог бы слышать тихий скрежет ручки о бумагу, с которым был вычеркнут первый пункт мероприятий в ее голове.

Джейн подошла к стулу, на котором лежало идеально выглаженное бежевое платье А-образного силуэта. Платье было выполнено в ретро стиле, но при этом молодило свою хозяйку. Прислонив его к себе одной рукой, а второй взяв его за подол, женщина, словно маленькая девочка, стала любоваться собой в зеркале. Вот только в отражении на нее смотрела уже давно не молодая особа.

Женщине в зеркале было уже 63 года. Она была среднего роста и довольно полной. Глубоко посаженные глаза, нос греческой формы и пухлые щеки придавали ей вид решительной и волевой женщины. Волосы средней длины зачесаны в пышную прическу *«привет из 80-х»*. Кое-где в русых волосах начала пробиваться седина, но, как считала сама Джейн, это придавало ей некий шарм. В целом женщина имела приятную наружность, по крайней мере, не отталкивающую. Если вам посчастливилось не быть с ней знакомым, то, скорее всего, при первой встрече вы поймаете себя на мысли, что, слушая ее писклявый голос, перебираете в голове причины, чтобы поскорее закончить разговор. Однако разговор с Джейн заканчивается лишь тогда, когда она сама это решит.

Немного покривлявшись перед зеркалом, Джейн аккуратно положила платье обратно на стул, повернулась к распятью, висевшему над кроватью, и, сложив руки в замок, сказала:

– Господи, дай мне спокойствие духа, чтобы принять то, чего я не могу изменить, дай мне мужество изменить то, что я могу изменить, и дай мне мудрость отличить одно от другого.

Водные процедуры были успешно выполнены. Источая сладкий аромат духов, которые не менялись уже третий десяток, Джейн, в бежевом платье, как тюремный надзиратель, медленно проходила владения своего дома. Взглядом пробе-

гая по мебели, шкафам и полкам, она делала в голове пометки, где ей нужно будет навести порядок в понедельник.

На кухне она достала баночку с молотыми зернами кофе. Пока кофемашина тихонько шумела, Джейн подошла к календарю. Она посмотрела на дату, аккуратно обведенную красным кружком, – 12 сентября. Взяв черный маркер, она перечеркнула ее жирным крестом.

«Вот он, этот день. Наконец. Сегодня начинается новая история нашей страны. Новая история Карл-Хилла. Новая жизнь!» – думала Джейн, теребя нательный крестик на груди.

Писк кофемашины заставил ее очнуться. Достав литровую термокружку, она перелила туда черный кофе. Добавив три ложки сахара и взяв коричневую сумочку, которая была одного возраста с хозяйкой, она вышла во двор.

Сев в свой старенький, но великолепно сохранившейся Cadillac Brougham, пристегнув ремень и проверив зеркала, Джейн повернула ключ зажигания, давая *«старой подружке»* прогреться. Через пару минут серый Cadillac тихо прошуршал по пустой дороге, унося хозяйку навстречу долгожданному дню.

Кейт Смит в это воскресное утро тоже не спала. Только волновали ее совсем не запланированные мероприятия. Она переживала, успеет ли она испечь еще один черничный пирог. Семь уже были готовы и, завернутые в фольгу, стояли в холодильнике. Кейт мучил еще один вопрос:

«Хватит ли семи?»

Перекаtywаясь с одного бока на другой, она не переставала думать об этом и старалась найти давно ускользнувший от нее сон. Не в силах больше лежать, женщина встала с кровати и стала надевать уже довольно потертый халат, который был её *«махровым другом»* на протяжении уже 17 лет.

Надев его, она попадала в те далекие времена, когда не была еще заботливой матерью троих детей. В те времена, когда они с Сэмом наслаждались любовью в этом большом доме, который принадлежал им одним. Затягивая пояс, она вспомнила блестящие глаза мужа, смотрящие на нее с любовью и желанием, когда она медленно расстегивала халат, обнажая свое еще упругое тело. Это было здесь, в этой самой комнате.

А сейчас ее муж, Сэм, тихо храпел, лежа на спине. За 17 лет он набрал пару лишних килограммов, стал менее чутким и заботливым, да и блеска и желания в его глазах Кейт уже давно не видела, но все же, даже спустя столько

лет, она его любила. Пусть он стал не таким внимательным по отношению к ней, но зато он был очень заботлив к детям. Глядя на то, как много времени он уделяет мальчикам и как сильно любит их, Кейт понимала, что просто не имеет права на него обижаться. Но все же в такие моменты, как это утро, ей так хотелось бы вернуться на 17 лет назад и ощутить прикосновение его губ у себя на животе, поймать его взгляд, полный желания, и понять, что она – вся его жизнь.

Но сейчас, глядя на своего мужа, Кейт ощущала лишь злость.

«Конечно. Он может спать. Ему ведь достаточно будет разжечь ржавый мангал да жарить сосиски, и все уже будут счастливы. Ему не надо стоять пять часов подряд на кухне и печь эти дурацкие пироги!»

С досады Кейт хлопнула дверью спальни. В глубине души она хотела, чтобы от шума Сэм проснулся и, испугавшись, что ее нет рядом, бросился за ней вслед. Одетый в белую шелковую рубашку и черные брюки, он догнал бы ее в коридоре, обнял и спросил:

– Куда ты ушла, милая?

– Я должна испечь еще один пирог, – эротичным голосом ответит она. Сама она будет в красном коротком платье, имеющем неприлично откровенное декольте, которое с трудом сдерживает ее второй размер.

– К черту пирог! Пойдем в спальню. Дети еще долго будут спать. У нас полно времени, – посмотрев ей в глаза, он

страстно поцелует ее в губы. Сильно прижав ее к себе и взяв на руки, он потащит ее в кровать, где своими сильными руками сорвет красное платье и уткнется губами...

Кейт стояла за дверью и слышала, как ее муж лишь повернулся на бок и продолжил храпеть.

«Ох, милая. Тебе просто секса не хватает», – с грустью подумала Кейт.

Идя по коридору, женщина заглянула в комнату мальчиков. Билл и Колин спали в своих кроватях, тихо сопя.

«Всего 11 лет, а уже точные копии своего отца».

Все стены комнаты были завешаны знаменитыми бейсболистами, забиты битами, перчатками и мечами. Каждый год мальчики находили себе новый любимый вид спорта, которому они готовы отдаться всем сердцем. В этом году это был бейсбол. В любом начинании их всегда поддерживал Сэм.

«С нетерпением жду, когда они уже перейдут в старшие классы. Там их ждет футбол. Он у них в крови! Поверь мне», – говорил муж.

В глубине души Сэм уже представлял, как после школы за Биллом и Колином бегают скауты почти из всех футбольных команд страны. Как спустя всего год его сыновьям вручают награды лучших игроков года и как со сцены, не скрывая слез, они благодарят его. Но до старших классов было еще полно времени, поэтому отцу приходилось довольствоваться меньшим.

Глядя на мальчиков, Кейт вспомнила, с каким трудом ей

вчера удалось уложить их в кровати. Сегодняшний день был началом нового бейсбольного сезона, который Билл и Колин ждали с нетерпением.

«В это воскресенье в гости к нашим „Тиграм“ придут „Скауты“ из соседнего города Норс-Рок. Жаркая встреча двух молодежных команд состоится на центральном стадионе в 13:00. А перед матчем для всех гостей и жителей нашего города в парке перед стадионом будут организованы разного рода развлечения. Каждый найдет что-нибудь интересное для себя и для своих детей. Вас ждут прохладительные напитки и легкие закуски, сладкая вата и хот-доги. Приходите и приводите своих друзей!» – в голове звучал голос радиоведущего, который вчера вечером освещал план мероприятий на воскресный день.

Закрывая дверь в комнату мальчиков, мать с грустью осознала, что давно уже потеряла связь с ними, что ее муж имеет куда большую над ними силу. Конечно, они ее любят, но Сэма они просто обожают – отец и персональный тренер в одном лице. Кейт знала, что она сама в этом виновата.

Напротив комнаты мальчиков находилась комната Скарлетт.

Говорят, что родители любят своих детей одинаково, но Кейт прекрасно понимала, что чувства, которые она испытывает к дочери, совсем другие, нежели те, что она испытывает к мальчикам. Быть может, это было потому, что Скарлетт была девочкой или первым ребенком? Или потому, что

в каждом ее движении, в каждой улыбке, в каждой черте ее лица – Кейт узнавала себя.

С самого раннего возраста мать с дочкой были не разлей вода. Пока Кейт была рядом, Скарлетт никогда не плакала и не кричала. Казалось бы, чем старше становится ребенок, тем слабее его связь с родителями, но в случае со Скарлетт все было наоборот. Дочка всегда делилось с матерью всем. Они с легкостью могли болтать обо всем на свете. Они были словно две подруги.

Может быть, Сэма захлестнуло чувство ревности, или в один момент он почувствовал себя одиноким, или ему просто захотелось, чтобы у него был наследник, которому он смог бы передать все его пыльные школьные кубки и старый форд мустанг. Сложно сказать, что произошло с Сэмом, но в один из дней он решительно заявил, что Кейт должна родить ему сына.

«Именно, что «себе», – думала Кейт.

Как только Скарлетт исполнилось 5 лет и семейные дела более-менее выровнялись, Сэм стал каждую ночь пытаться сделать себе сына. В те времена Кейт чувствовала себя какой-то «свиноматкой», от которой только и ждут, что деторождения. Спустя два месяца она забеременела.

«Господи, что было бы, если бы я снова родила девочку? Наверное, он бы долбил меня, пока из меня не вышел маленький человек с причиндалами наперевес».

Кейт с грустью посмотрела на дверь. Через каких-то де-

вять месяцев ее любимая дочь соберет свои вещи и уедет в один из тысячи университетов, разбросанных от Карл-Хилла за сотни и тысячи километров.

«Только не сейчас. У тебя полно дел. Сейчас я не буду об этом думать».

Спускаясь по лестнице на первый этаж, Кейт пробежала глазами по семейным фотографиям. Счастливая пара, мужчина в смокинге держал на руках миленькую девушку. Самая красивая пара в городе. Он – звезда школы, лучший спортсмен, которому пророчат блестящее будущее. Она – самая прилежная ученица, с отличием закончившая школу, которую с распростертыми руками ждет любой колледж в стране.

Глядя на эту фотографию, Кейт часто думала о том, как бы сложились ее жизнь без него. Где бы она сейчас была и с кем? Где бы работала?

Иногда женщина и задавала себе подобные вопросы, но ответов никогда не находила.

Спустившись на первый этаж, Кейт взяла ключи и накинула куртку. Она посмотрела на себя в зеркало.

Ей было уже 35 лет. Конечно, время брало свое, но все же она оставалась очень привлекательной. У нее были большие голубые глаза, пышные губы и, как она считала, пухлый нос. На самом деле с ее носом все было в порядке, просто когда-то давно над ней подшутили, и это врезалось в ее память навсегда. Поэтому, когда она смотрела на дочь, то с радостью отмечала, что нос у нее отца. (*«Хоть какая-то польза*

от Сэма»). Под глазами уже красовались становящиеся заметными морщины. Однако для своего возраста она оставалась весьма привлекательной женщиной. Глядя на располневшего Сэма, она с гордостью отмечала, что в случае чего ей куда проще будет найти себе нового мужа, чем ему жену.

Стоя в старом халате и черной куртке, Кейт с грустью посмотрела на себя в зеркале.

– Эх, дорогая. А еще пять лет назад ты бы скорее застрелилась, чем вышла в таком виде на люди, – с ухмылкой сказала она себе и, откинув золотистые волосы назад, вышла из дома.

Она завела большой семейный Chevrolet, который десять лет назад заменил ее красную BMW M3, подаренную ей Сэмом на пятую годовщину их совместной жизни. В той красной машине Кейт была не мамой троих детей, а красивой женщиной, приковывавшей взгляды мужчин всех возрастов.

А сейчас Кейт спокойно выходила из дома в одном старом халате. Заводя мотор, она с грустью вспомнила:

«Красная быстрая BMW... Как же я по тебе скучаю!..»

Мотор приветливо зарычал. Приборная панель замерцала разными цветами, показав эмблему автомобиля и время – 04:45. Через пару минут минивэн увозил хозяйку дома на 2nd Street в круглосуточный супермаркет за тестом и черничным джемом.

В доме на 2nd Street мучилась бессонницей не только Кейт. На втором этаже, крутясь в кровати, лежала Скарлетт. Почти всю ночь она просидела в телефоне, безуспешно пытаясь договориться о встрече. Смотря в потолок, она ощущала, как все ее тело пробивает дрожь, когда она снова и снова начинала думать о будущем.

Скарлетт была звездой школы. Отличница, капитан по черлидингу, глава школьного комитета. Если сказать проще – Королева школы. Ей пророчили блестящее будущее со всеми признанным королем школы Джонни Тейлор.

Звезда футбола, всеобщий любимчик, самый красивый парень в школе.

«Кто, если не он, должен быть с тобой?» – говори Скарлетт подружки.

Лежа в темноте в кровати, она с отвращением вспоминала этого хваленного Джонни в постели.

«Десять минут боли и страданий — вот и весь мой первый сексуальный опыт. Спасибо, Джонни!»

Скарлетт провела рукой по своей груди, которая, казалось, даже сейчас болит от рук этого «самца».

Скарлетт вспоминала, как он вез ее домой после того вечера.

– Ну что, детка, тебе понравилось? – с ухмылкой говорил он, ведя свой Dodge RAM.

Она не могла на него смотреть. В тот момент он был похож на павлина, распушившего хвост и ожидавшего лестных слов за свои телодвижения, за свои стоны и кряхтение у нее под ухом. От этих воспоминаний все тело покрыли мурашки, а во рту начинал срабатывать рвотный рефлекс. Скарлетт смотрела в окно, за которым виднелись дома, стоящие во тьме на ее родной улице. Стараясь все сильнее сжать ноги, в этот момент она хотела лишь одного, чтобы отступила эта жгучая боль.

Перед глазами стояло воспоминание о серьезном разговоре с матерью. Ей 12 лет. Она, вся красная, сидит на кухне. Перед ней лежит порножурнал, который они нашли с подружкой Моникой. Хотя, правильнее будет сказать, Моника своровала его у своего отца и принесла в домик на дереве, находившийся на заднем дворе дома Смит. Пару дней они с подружкой рассматривали его, читали, изучали. На тот момент каждая из них была уже весьма наслышана о том, что скрывается за магическим словом «секс». Подружки уже делились мыслями, с кем и когда каждая из них займется в первый раз.

А потом она сидит на кухне. Ладони мокрые. В голове лишь одна мысль:

«Скажи, скажи, что журнал принесла Моника. Что ты

ни при чем».

Опустив глаза, Скарлетт смотрит себе под ноги, на потертую кухонную плитку. За окном она слышит смех братьев. Они с отцом играют в бейсбол. Хотя Скарлетт никогда и не нравилась эта игра, но сейчас она отдала бы все на свете, чтобы оказаться там, с отцом. Потными руками она отдирает себе на пальцах заусенцы, ощущая щипающую боль.

Она слышит, как перед ней опускается кружка. Запах горячего шоколада ударяет ей в нос.

– И долго ты так собираешься сидеть?

Скарлетт слышит голос матери, спокойный и тихий. Она чувствует, что мать не собирается ее ругать, но поднять глаза не смеет.

– Скарлетт, все хорошо. Выпей горячего шоколада. Я лишь хочу с тобой поговорить.

И она поднимает глаза. В них стоят слезы. Еще мгновение и они польются рекой, и тогда сюда сбегутся братья и отец.

– А вот этого нам не надо, – мать заботливо вытирает с ее глаз слезы. Она грустно улыбается. В этот момент Скарлетт чувствует, что она защищена от всего мира ей одной. Что бы ни случилось, она всегда ее простит и угостит горячим шоколадом.

– Давай, сделай пару глотков, и мы просто поговорим.

– Вот так. Все хорошо, – мать берет порножурнал и начинает медленно листать, при этом удивленно закатывает глаза, стараясь скрыть улыбку. Всего пару страниц, и журнал

уже убран под стол. – Думаю, отцу, знать об этом не обязательно.

Скарлетт лишь с благодарностью смотрит на нее.

– А сейчас ты мне расскажешь все, что ты знаешь, – и мать бережно берет и пожимает ее руку.

И она рассказала. Все. Спокойно, неторопливо. Мать внимательно слушала. А когда Скарлетт закончила, она встала и, налив им еще по чашке горячего шоколада, сказала:

– Ты уже такая взрослая. Когда ты успела так быстро повзрослеть, я не понимаю? Ну, раз уж настало время, я расскажу тебе все. Все, как есть.

И вот теперь уже Скарлетт слушает. Внимательно, пытается запомнить все. Она помнит, как уже в тот момент представляла, как этим же вечером слова ее матери будут рассказаны в домике на дереве, где ее подруги, открыв рты, будут внимать каждому слову.

Но тогда, сидя на переднем сиденье, Скарлетт думала лишь о том, почему ее мать не сказала ей, что это настолько больно и мерзко.

«Почему ты не сказала?!»

Она чувствовала, как в ней нарастает злоба.

– Ну, так тебе понравилось? – говорит его мерзкий голос.

«Господи, такое может понравиться только самке дикой гориллы, но уж точно не девушке».

– Да, было потрясающе, – с трудом выдавливает она из се-

бя.

Она видит, как его мерзкая рожа расплылась в самодовольной улыбке.

Машина медленно подъехала к дому. Скарлетт видит, что на кухне еще горит свет.

«Кончено, она не ложилась».

– Слушай, я хотел сказать...

– До завтра, – Скарлетт не дает закончить фразу, и через минуту она уже стоит на кухне и смотрит на мать, которая читает книгу по кулинарии в 3 часа ночи.

– Почему ты не спишь?! – дрожащим голосом спрашивает Скарлетт.

Мать медленно поднимает глаза и смотрит на нее.

– Зачиталась. Как вечеринка?

Слезы подступают к глазам. Между ног все горит. Скарлетт чувствует себя грязной шлюхой, которой просто воспользовались. Ей мерзко, что она сейчас должна оправдываться и сочинять всякую чушь, хотя ее мать уже все прекрасно понимает.

– Все хорошо. – с трудом сдерживая слезы, говорит она. – Я пойду в душ и спать.

– Хорошо, – кивая головой, отвечает мать. – Я еще немного почитаю.

Она лежит на кровати, мокрая после душа. В комнате пахнет шампунем и кремом для тела. Скарлетт лежит и старается не думать о том, как он трогал ее, как касался своим

мерзким языком ее шеи. В горле стоит ком, глаза в слезах, но она не может разрыдаться. Мать еще не спит. И она знает.

Скарлетт слышит, как тихо открылась ее дверь. Она делает вид, что уже спит. Слышно, как стакан опускается на тумбочку перед кроватью, источая сладкий аромат шоколада. Девушка чувствует, как мать аккуратно перелазит через нее и ложиться за ее спину. Как своими теплыми руками она обнимет ее. Теперь она больше не в силах сдержать слезы. Скарлетт знает, что может все ей рассказать, но слова словно прилипли к небу. Горячие слезы зальют подушку, и девушка тихо уснет, согреваемая материнскими объятиями. А на следующие утро каждая из них сделает вид, что ничего не было.

Почему сейчас она это вспоминает? Может, это неосознанное сравнение, к которому она каждый раз возвращается, словно говоря себе:

«Ты же знаешь, что лучше его нет! Признайся себе! Признай, что ты его...»

Скарлетт берет с тумбочки свой телефон. На дисплее 4:45.
«Куда она поехала в такую рань?»

Она заходит в сообщения. Ничего. Как и всегда. Скарлетт убирает телефон и садится на кровать. На улице уже светает. Глаза слипаются, но ее сон, как и сон ее матери, безвозвратно ушел.

Встав с кровати, Скарлетт накинула длинную серую кофту, которая напоминала халат, и посмотрела на себя в зерка-

ло.

Одной из причин, почему Скарлетт была самой популярной девушкой в школе, была ее притягательная красота. Со всем юная девушка среднего роста. Ее лицо имело правильные черты, которые сразу приковывали к себе. Даже сейчас, проведя без сна всю ночь, она была безумно красивой. Скарлетт смотрел на свои большие голубые глаза, маленький, слегка вздернутый носик, пухлые губы и красивые светлые волосы, еще взлохмаченные после долгой бессонной ночи. Она распахнула кофту и посмотрела на свое тело. Уже сформировавшаяся упругая грудь выступала сквозь ночнушку, длинные спортивные ноги – результат бесчисленного числа тренировок по черлидерству, которые сейчас она вспоминала с отвращением.

Любая девушка в школе хотела бы выглядеть, как она. Однако в это воскресное утро Скарлетт Смит отдала бы все на свете, чтобы не быть собой. Чтобы ежедневно не находиться под пристальным вниманием всей школы. Чтобы детям по всему городу не ставили ее в пример. Не быть той, которую все знают и обожают.

«Хотя, может уже и не обожают...» – усмехнувшись, подумала девушка, листая социальную сеть. – *«Разве не этого ты хотела, Скарлетт, всю свою жизнь? Ты же хотела быть в центре внимания, быть номером один, быть примером, быть идеалом, быть совершенством? А что стало сейчас? Неужели это он так на тебя повлиял?»*

Скарлетт опустила глаза и грустно улыбнулась, словно говоря:

«Какая же я дура!»

Входная дверь тихо открылась в 5:10. Кейт несла два больших пакета из супермаркета. Она прошла на кухню и увидела сидящую за столом дочь, которая, попивая кофе, усталыми глазами смотрела на нее. Почему-то в этот момент Кейт ощутила странное чувство, словно в ее дочке что-то поменялось. Словно на нее смотрел совсем другой, совершенно незнакомый ей человек.

– Почему не спишь? – спросила Кейт, ставя бумажные пакеты на стол.

– А ты?

– Да я вот подумала... – Кейт стеснялась сказать про черничный пирог, который не давал ей спокойно спать этой ночью. Сейчас, увидев себя глазами дочери, она поняла, что выглядит слегка *«сумасшедшей»* с этим чертовым пирогом. – Да я вот подумала, что в такой день вам следует съесть чего-нибудь праздничного с утра.

– Врешь, – улыбаясь, сказала Скарлетт. – Я не могу припомнить ни одного воскресенья за последние семь лет, в которое мы бы завтракали перед походом в церковь.

– Ну да, – неловко сказала Кейт, а затем, собрав остатки смелости, выпалила. – Я просто хочу сделать еще один черничный пирог. Не уверена, что семи хватит.

«Что с тобой стало?» – грустно подумала Скарлетт.

В его голове до сих пор жил образ ее матери, смелой и эффектной женщины на красной BMW М3, которая легко и непринужденно ведет ее в первый класс. Как она останавливается у школы, приковывая взгляды уставших и измученных мамаш, завистливо смотрящих на нее. Кейт выходит из машины в легком синем платье, в черных туфлях на высоком каблуке. Она подходит к ней, к Скарлетт, которой еще далеко до общей любви всей школы. Сейчас она, маленькая и испуганная, смотрит на свою маму. Впереди у нее первый класс, первые уроки, первые знакомства, первые победы и поражения. Она трясется от страха и по обыкновению, сдирает заусенцы с кончиков пальцев. Кейт подходит к ней и садится на корточки. Ее волосы аккуратно завиты, от них пахнет знакомым ей с детства ванильным гелем и легким ароматом духов. Она что-то говорит ей, но сейчас Скарлетт не может вспомнить, что именно. В ее глазах лишь стоит эта невозмутимая, источающая успех и уверенность женщина. И, глядя на нее, Скарлетт понимает, что она не может спасовать, она не имеет права бояться, она дочь этой женщины, а значит, в ней в тоже есть эта решимость и это бесстрашие.

А сейчас она стоит перед ней в старом, поношенном халате.

«Разве вышла бы ты в таком на улицу? Или даже из спальни?»

Да, ее мать все такая же красивая, но вот только что-то в ней надорвалось. Какая-то шестеренка внутри нее сломалась, и из-за этого перестал работать весь механизм.

«С каких пор тебя интересует, хватит ли черничных пирогов?»

Но, глядя на нее, Скарлетт лишь сказала:

– Я могу тебе помочь. Все равно я уже не усну.

– Было бы замечательно, – с благодарностью сказала Кейт.

И вот они уже вместе начинают разбирать пакеты и готовить восьмой черничный пирог. А за окном, по залитой утренним солнцем дороге, неспешно проезжает Cadillac Джейн Саммерс.

Так почему же весь город с таким нетерпением ждет это воскресенье? Почему все так готовятся к нему? Чтобы лучше понять, что это за день и что за ним скрыто, необходимо унести́сь на десять лет назад, в те времена, когда Кейт Смит еще управляла красной BMW M3 и даже не помышляла о каких-то черничных пирогах или чтобы в воскресенье в восемь утра сидеть в церкви и слушать унылые заповеди их проповедника.

Десять лет назад в Соединенных Штатах Америки было все замечательно. Экономика выравнилась после кризиса начала двухтысячных. Во главе тогда стоял всеми любимый и обожаемый Руперт Гринн. Лозунги о блестящем и светлом будущем звучали отовсюду. Люди с нетерпением ждали его, лелея свою *«американскую»* мечту. Безработица катилась вниз, зарплаты росли вверх, поэтому воодушевленные такими оптимистичными прогнозами, не желающее больше ждать, люди набрали кредитов, чтобы уже потрогать это *«светлое»* будущее. Казалось, еще никогда не было так легко и свободно жить.

В то же самое время в Южной Америке в одной из стран жизнь тоже поменялось резко и не сказать, чтобы в лучшую сторону. Поводом, послужившим началом истории, которая станет причиной тысяч и тысяч смертей, отразится на жиз-

ни людей в нескольких странах и, спустя десяток лет, получит название «*Нефтяное гостеприимство*» в учебниках истории, – станет обычная человеческая жадность и чувство справедливости.

Небольшая страна Укаяли, находившаяся между Перу и Бразилией, была на задворках «*третьего мира*», и единственное, чем она была известна всем остальным, так это продажей марихуаны и кокаина и остатками цивилизации инков, на которые время от времени приезжали посмотреть туристы.

В остальном страна была одной из самых бедных в Южной Америки.

Однако в начале 2000-х Укаяли сильно повезло. Оказалось, что земли страны богаты черным золотом. Всего за каких-то пару лет, благодаря инвестициям США, на месте тропических лесов выросли нефтяные заводы, трубы от которых растянулись на сотни и сотни километров, охватив не только всю Южную Америку, но и достав до берегов США.

Выйдя в ТОП-3 по добыче нефти, жители Укаяли стали рисовать свое будущее, представляя, как теперь они заживут. Как всю страну покроют новыми дорогами, как на месте потрепанных бараков вырастут небоскребы, в которых будут расположены офисы самых известных компаний, как сотни и сотни туристов заполонят страну.

И пока люди мечтали о счастливом завтра, с экраном те-

левизоров им говорили, что Укаяли выходит на первое место по добыче нефти, вот только вокруг ничего не менялось. Все те же старые дома, все та же нищета и нехватка продуктов, все те же молодые люди стояли на улицах и продавали дешевые наркотики. Все осталось таким же, как пять и десять лет назад.

Может быть, это был заранее подготовленный план, или люди просто устали от всего того, что творилось вокруг них, но однажды небольшая горстка народа собралась у парламента. Всего около сотни усталых, злых, голодных, треть которых просто проходила мимо и решила остаться. Не было никаких требований, никаких плакатов, никаких лозунгов. Толпа просто стояла и ждали. Но чего? Наверное, никто из них и сам не знал.

Проще всего было бы разогнать или просто сделать вид, что площадь перед парламентом пуста, что никаких митингующих не существует. Но в понедельник, двадцать первого июня, в день летнего солнцестояния, центральная площадь Пукальпы окрасилась в алые тона.

В девять утра были вызваны два батальона полиции, которые должны были разогнать митингующих. Встав плотным кольцом, вооруженные полицейские пошли на толпу.

Из-за чего произошел первый выстрел, никто не знает. Полицейские потом говорили, что это был способ испугать людей, которые, вцепившись зубами в плитку, никак не хотели расходиться.

Выжившие граждане, которых к полудню насчитывалось лишь двенадцать человек, трое из них погибли в больнице, в один голос говорили, что первый выстрел был произведен в голову одному из митингующих, который вцепился в щит полицейского и старался его выхватить.

Кто-то говорил, что виной всему послужило летнее солнцестояние и невыносимая жара, которая в девять утра достигла тридцати семи градусов. Особенно восприимчивые люди утверждали, что виной всему земля. Проклятая земля Укаяли, словно ненасытный зверь, который питается кровью и болью людей.

Что послужило причиной: человеческий страх или злость, палящее солнце или какая-то сила свыше – не имело ровным счетом никакого значения, поскольку это не могло вернуть к жизни семьдесят восемь человек. То, что случилось двадцать первого июня на городской площади, было жестоким преступлением, в котором беззащитных людей, зажатых в кольцо, безжалостно расстреляли.

Это событие станет отправной точкой, самым жестоким, но не самым кровавым днем в истории Укаяли.

Спустя всего неделю вся страна была охвачена восстаниями, с которыми уже не могли справиться ни полиция, ни даже военные. В стране было введено чрезвычайное положение. Каждый город превратился в театр боевых действий. Всего за месяц страна потеряла сто тысяч граждан.

В это самое время соседние страны решили воспользо-

ваться сложившейся ситуацией и начали интервенцию.

Почувяв беспомощность, падальщики стягивались к границам Укаяли. Бомбардировка велась практически всей территории страны.

Страна тонула в крови гражданской войны, а с границ уже наступали войска других стран. Казалось, что ситуация была критическая.

Однако многомиллионные вложения в нефтяные заводы не могли оставить Соединенные Штаты Америки равнодушными. Но Руперт Гринн терпеливо ждал. Он ждал, когда его попросят о помощи.

Руперт не хотел повторять ошибок своих предшественников.

Ждать пришлось еще месяц. И когда действующий президент Укаяли, на тот момент уже окончательно потерявший контроль в стране, взмолился о помощи, на горизонте появился спасительный силуэт Руперта Гринна.

Спустя короткий промежуток времени ситуация в стране стабилизировалась. Ценой этого стала отставка президента Укаяли, на место которого пришел заранее приготовленный США человек, с заранее подготовленной программой по восстановлению страны. Одним из основных пунктов в развитии новый президент видел тесное сотрудничество с Америкой.

Основные пункты сотрудничества включали в себя:

– вооруженные силы Америки вставали на защиту Укая-

ли;

- Соединенный Штаты Америки выделили порядка семнадцати миллиардов долларов для восстановления Укаяли;
- Соединенные Штаты Америки открывали свои границы для всех беженцев, которые пострадали во время гражданской войны;
- всем беженцам будет предоставлено жилье до окончательного восстановления страны;
- все беженцы будут получать пособие по безработице;
- со временем будут обеспечены рабочие места для беженцев.

Все, что получали США в ходе заключения этого договора, – это минимальная цена на нефть. И так было, но только на бумаге.

На самом деле все нефтяные заводы, все месторождения стали принадлежать Америке. Теперь Руперт Гринн сам устанавливал цены на нефть, теперь он решал, с кем Укаяли стоит сотрудничать.

А что же народ? Остался ли он доволен таким сотрудничеством?

Более чем. Миллионы жителей Укаяли, что составляло около восьмидесяти процентов от всего населения страны, оставляли свои разбитые дома и, взяв все то, что удалось сохранить во время войны, направлялись в специально организованные аэропорты, в которых под присмотром военных садились в самолеты с звездно-полосатым флагом и улета-

ли в страну, которую видели только в фильмах. Люди устали от вечных войн, от смерти, что, казалось, ходила за ними по пятам, устали от нищеты и разрухи, устали верить, что все наладится. Каждый уезжал из страны с мыслью, *«что хуже уже точно не будет»*.

Конечно, сначала всего около ста тысяч людей, не задумываясь ни секунды, решили уехать. Это были те, у кого война отняла все. У них не осталось ни дома, ни каких-либо средств к существованию.

Однако самой большой проблемой могло стать то, что американцы не захотят принять у себя беженцев.

Но четко выстроенная пропаганда дала свои плоды. Сначала в новостных эфирах стали появляться страшные репортажи, наполненные кровью, убитыми людьми, разрушенными домами. Эти репортажи вызывали жалость к жителям Укаяли. Также сыграли свою роль и грамотные речи Руперта Гринна, который каждый раз говорит, что у него сердце обливается кровью, когда он видит, что происходит в дружественной стране.

«Боль, что вынуждены переносить эти люди, это и моя боль тоже. Это боль всей Америки, которая скорбит по погибшим взрослым, по погибшим детям вместе с Укаяли. Мы с вами, друзья!»

Когда же было подписано соглашение, президент Америки сказал, что это одно из самых выгодных соотрудничеств не только для Укаяли, но и для США.

Новостные эфиры заполнились счастливыми лицами беженцев, которые со слезами на глазах благодарили всех и каждого. Любой среднестатистический американец стал считать своим долгом помочь бедным людям. Волонтерские центры росли по всей стране. В них вступало все больше и больше людей. Все от мало до велика старались не упустить свой момент славы и сделать все возможное, чтобы помочь бедным людям.

Как и обещал Руперт Гринн, всех беженцев действительно обеспечили жильем и обеспечили пособием по безработице. Вблизи небольших городков, которые удалены от крупных центров, были построены небольшие поселения. В домах было все необходимое для проживания семьи до трех человек. В расположенных неподалеку городах можно было найти все, что угодно.

Города беженцев располагали в основном рядом с городами с населением порядка ста тысяч человек. Почти все такие города жили за счет сельского хозяйства. Множество фермерских угодий находилось неподалеку, где Правительство США и планировало найти работу для беженцев.

Массовая иммиграция беженцев в США затянулась примерно на пару лет. В первые месяцы была самая большая волна. Каждому беженцу выдавали специальные паспорта, в них прописывались имя, фамилия и город, к которому теперь был привязан человек.

Каждый месяц в поселения беженцев приезжали актеры,

певцы, политики, спортсмены и все те, кому не хватало внимания на телевидении. Они задаривали беженцев подарками, ходили по их домам, обедали с ними, нянчили их детей, оплачивали им все, что они хотели, и со слезами на глазах обнимали их и говорили, что теперь они с ними друзья на века.

Правительство создавало все новые и новые рабочие места. Подписывались договоры с крупными фермерскими хозяйствами для предоставления простой работы беженцам.

Однако одной из главных проблем, с которой пришлось столкнуться беженцам, был языковой барьер. Большая часть из них говорила на кечуа, еще кто-то на испанском и совсем малая часть на английском. Все, что могли понять американцы из разговора, так это слово «спасибо», что на языке беженцев было созвучно с английским *thank*. Поэтому все дружно стали называть их «грачами».

Чтобы в скорейшем времени избавиться от языкового барьера, были организованы специальные занятия в поселениях, а для детей, которые стали посещать школы вместе с американскими детьми, были созданы дополнительные уроки, чтобы дети быстрее выучили английский. Самым удивительным было то, что многие американские дети сами оставались после занятий, дабы помочь беженцам.

Так прошли первые три года жизни американцев вместе в «грачами». Казалось, что все складывалось как нельзя лучше. Нефть качалась, народ был счастлив. Руперт Гринн

страшно гордился собой.

Первой проблемой, которая незаметно назрела, стала нехватка жилья. Все поселения были заполнены, а беженцы все прибывали и прибывали. По подсчетам на тот момент Америка уже обеспечила жильем порядка семисот тысяч беженцев. Но их становилось все больше и больше. Многие жители соседних стран подделывали паспорта и, выдав себя за граждан Укаяли, тоже пытались иммигрировать в США. Поэтому рассчитанная программа по обеспечению жильем и рабочими местами провалилась.

Руперт Гринн пообещал, что в ближайшее время будут построены дополнительные поселения. Однако строить их было невыгодно, поэтому приняли решение подселять новых беженцев в уже имеющиеся города.

Второй проблемой, с которой пришлось столкнуться, стала та, что улицы городов начали заполнять наркотики. Не то чтобы в Америке когда-то было сложно найти наркотики. Проблема скорее состояла в том, что уже знакомым группировкам, которые заняли нишу наркобизнеса в стране, вдруг пришлось воевать с новыми, менее качественными, но при этом более дешевыми наркотиками Укаяли.

Хлынула волна передозировок низкокачественными наркотиками, улицы городов превратились в поля сражений между группировками. И как бы часто ни проводились рейды в городах беженцев, как бы тщательно ни досматривали людей на границе, продажа наркотиков только увеличи-

валась.

Третьей проблемой было то, что, спустя время, многие «*грачи*» перестали появляться на работе. Им вполне хватало денег, что они получали по пособию. Выделенные специально для беженцев места пустовали, что негативно сказывалось на производстве, от которого больше всего страдали фермеры. Закупленная техника простаивала без дела, засеянные поле загнивали без обработки. Сельское хозяйство терпело огромные убытки.

Четвертой проблемой стало то, что, как выяснилось, многие «*грачи*» любили приложиться к бутылке. Конечно, это приносило много денег разного рода питейным заведениям, но была и другая сторона. Не зная меры, беженцы напивались до скотского состояния. И если одни просто засыпали в парках на лавочках или просто на траве, то у других алкоголь вызывал помутнение рассудка, что приводило к куда более печальным последствиям.

Драки, хулиганство, вандализм, разбои, изнасилования и даже убийства – это перечень основных статей, по которым чаще всего задерживали грачей.

Как бы Руперт Гринн ни старался, он никак не мог решить не то чтобы все четыре проблемы, а даже одну из них. Недовольство американцев росло как снежный ком. Всеобщая любовь сменилась откровенной ненавистью. Все чаще в газетах стали появляться статьи о том, что пора бы уже беженцам возвращаться к себе на родину. К тому же за те пять

лет, что грачи гостят в Америке, у них на родине уже должно было быть все заново отстроено на выделенные Америкой деньги.

Из бюджета США действительно было выделено семнадцать миллиардов долларов, на которые должны были восстановить страну Укаяли. План восстановления был распisan на пять лет. К этому времени *«грачи»* могли перебираться обратно на родину, в новые дома, на чистые улицы, в место, которое больше не будет ассоциироваться с войной.

И впервые два года работы по восстановлению страны набирали оборот. Старые дома реставрировались, рядом строились новые жилые комплексы. Благодаря сотрудничеству, для восстановления страны были направлены американские специалисты, которые, ни много ни мало, обещали построить самые современные дома. Получалось так, что Америка выделила деньги, часть которых возвращалась обратно.

Спустя два года почти все объекты оказались заморожены. Выяснилось, что почти все семнадцать миллиардов были потрачены и денег для дальнейшего строительства просто не было. Президент Укаяли сказал, что лично проверит, на что была потрачена столь значительная сумма. Были заведены уголовные дела, даже несколько человек из правительства понесли наказание, но на этом все затихло.

Давать дополнительные деньги США не собирались, поэтому, вместо разрушенных, теперь стояли недостроенные дома, которые на себе испытывали теорию разбитых окон.

Когда же, спустя уже пять лет, американские граждане задались вопросом, не пора ли «*грачам*» возвращаться домой, мало кого волновало, что возвращаться им по сути было некуда.

Безработным «*грачам*» спокойно жилось и на пособиях, а те, кому хотелось легких денег, отправлялись в крупные города. Неся с собой дешевые наркотики, «*грачи*» силой пробивали себе место в наркобизнесе. Рост преступности бил все новые рекорды, тюрьмы были переполнены. Толерантный левый идеалист, Руперт Гринн понимал, что необходимо как-то решать этот вопрос, но у него были связаны руки. Пока по нефтяным трубам бежала нефть, он не мог предпринять чего-то решительного.

Пока Руперт Гринн готовился к новой предвыборной программе, недовольство в обществе поднималось все выше и выше. Кроме уже перечисленных проблем, таких как наркотики, высокая преступность и завышенные налоги, за счет которых и жили беженцы, люди не стеснялись приписывать им совсем уже абсурдные проблемы, вроде глобального потепления. И вот уже все проблемы страны упали на плечи беженцев. Всеобщая любовь переросла в откровенную ненависть. Слово «*грач*» превратилось из доброго и смешного в злое и ненавистное. В связи с этим Руперт Гринн уже не пользовался поддержкой у населения. Его любвеобильная политика стала всем поперек горла. Люди устали и ждали перемен.

И тогда, спустя шесть лет после заключения соглашения, на очередных президентских выборах победил радикал Джонатан Стоун. Коренной американец, чей прапрадед воевал за свободу и независимость Соединенных Штатов Америки, строгий христианин, спортсмен, бывший военный и семьянин в один момент для каждого гражданина США стал воплощением *«светлого»* будущего. Еще пять лет назад его в лицо называли *«фашистом»*, поливали грязью, за чересчур радикальные решения проблем. Но сейчас люди хотели, чтобы хоть кто-то сумел что-то сделать.

«Я очищу Соединенные Штаты Америки!» – так звучал его предвыборный лозунг. И люди верили.

И перемены не заставили себя ждать. Всех *«грачей»*, которые все же не стали жить лишь на одном пособии, уволили, а их места заняли граждане Америки.

Все поселения *«грачей»* окружили забором, а на входе установили пропускные пункты. Был установлен комендантский час. Если к одиннадцати часам кого-то не оказывалось в поселении, то охранник на входе звонил в ближайшее отделение полиции, и специальные патрули, в которые с удовольствием входили и равнодушные граждане, начинали патрулировать улицы и вылавливать загулявших *«грачей»*.

В лучшем случае их просто доставляли обратно в поселение. Однако после того как Джонатан Стоун понял, что с переполненными тюрьмами нужно было что-то делать, был издан закон, благодаря которому во всех пятидесяти штатах

разрешалась смертная казнь.

Детей «грачей», у которых хотя бы один родитель не был гражданином США, выгнали из школ, переведя на домашнее обучение.

Конечной точкой в решении всеобщих проблем, которую все с таким нетерпением ждали, был указ о «*Всеобщей ре-эмиграции беженцев*».

А что же было там, на их родине? Это никого не интересовало. А там остались лишь горы развалин. За десять лет нефтяные запасы страны были полностью высосаны «заботливым» соседом. В стране осталось лишь десять процентов населения, которое, словно муравьи, бегало среди развалин и пыталось из битых кирпичей собрать себе маленький домик. Возвращаться было некуда да и не за чем.

Как раз в это воскресенье, когда Cadillac Джейн Саммерс тихо катился по сонным улицам, а на кухне дома на 2nd Street дочка с матерью заканчивали доделывать восьмой черничный пирог, в силу вступал этот долгожданный закон. Неделя. Одна неделя давалась беженцам для того, чтобы покинуть Соединенные Штаты Америки.

Священник церкви Святого Николая не спал всю ночь. Отец Роберт лежал в кровати и глотал таблетки аспирина одну за одной, пытаясь унять головную боль. Но ничего не помогало. Лоб горел огнем, и казалось, лишь гильотина могла ему сейчас помочь.

В 7:00 зазвонил будильник. Роберт отключил его и, встав с кровати, стал надевать рясу. Комната была небольших размеров. В ней вмещалась кровать, тумбочка, шкаф для вещей и большое кожаное кресло.

В дверь постучали. В слегка приоткрытое пространство просунулась седая голова Ника.

– Ты уже встал, Роберт? – спросил хриплым голосом Ник.

Диакон Ник был на протяжении всей своей жизни. Три поколения священников сменилось, а он все также неустанно продолжал нести свою службу. Во многих вещах он был просто незаменим. Он знал всех и вся, отлично заботился о церкви и следил за садом. Этот добрый и заботливый старичок, небольшого роста, с длинными седыми волосами, изящно переходившими в длинную бороду, не стеснялся говорить все, что думает.

– Да, все в порядке. Я уже одет, – сказал Роберт, потирая горящий от боли лоб.

Вместе с Робертом они смотрелись, как внук с дедуш-

кой. Роберту было всего двадцать семь лет. Самый молодой священник из когда-либо служивших в церкви Святого Николая. Высокого роста, почти в два раза больше диакона, с красиво уложенными русыми волосами, слегка вытянутым, но приятным лицом – таков был облик Роберта. Портрет дополняли пухлые губы и ямочки на щеках и подбородке. Надо честно сказать: многие женщины стали с большим энтузиазмом ходить в церковь, после того как там начал служить Роберт.

– Я тут это... Принес, – и диакон передал ему два листа, исписанных аккуратным каллиграфическим почерком.

Роберт взял листы и, посмотрев на них одним глазом, бросил на стол.

– Сегодня больше, чем обычно, – сухо заметил священник.

– Видимо, ОНА ждет не дождется принятия закона, поэтому и написала целых два листа своих помоев, – Ник стал убирать раскиданные по комнате вещи и дребезжать, как старый радиоприемник, который тихо играет в углу. В целом его давно пора выключить, но все уже настолько свыклись с этим шумом, что просто перестали обращать на него внимание. – Старая карга, дождалась своего дня. Скоро все *«грачи»* уедут. А куда они едут, ты видел, Роберт?

– Нет, – Роберт, закрыв глаза, сидел в кресле и не мог ни о чем думать, как о боли в голове.

– А я тебе скажу. В ад. Да простит меня Господь. Ничего

не осталось от их страны. Одни руины. На северном полюсе проще начать жить с нуля, чем там. Вчера вечером в новостях показывали. Ужас! Обвели их вокруг пальца, и дело с концом. Вот так.

Ник пристально посмотрел на Роберта.

– Ты что такой смурной сегодня? Стряслось чего?

– Голова болит, – морщась, ответил Роберт.

– Так выпей аспирина... Тебе принести?

– Спасибо, не надо. Я и так целую упаковку за ночь съел.

Скажи лучше, где сейчас ОНА?

– Известно дело. В церкви уже трется. ОНА же сегодня выступать будет. Речь говорить. Совсем уже обнаглела, сволочь. Да простит меня Господь. Сейчас своим языком будет трещать, а потом... – злостно сказал Ник. – Ладно, пойду пока порядок наведу, а то еще будут потом говорить, что я в церкви ничего не делаю. Сколько живу, никогда такого не было. Никогда.

А чего такого, он так и не сказал. Роберт лишь утвердительно покачал головой, смотря, как Ник закрывает за собой дверь, продолжая о чем-то бубнить себе под нос.

Роберт взял со стола два листа проповеди, написанной Джейн Саммерс, и быстро пробежался по ней глазами. Ничего интересного. Как всегда, ничего конкретно. Обо всем и ни о чем.

Каждый раз, когда Роберт читал рукописи Джейн, он мысленно возвращался в тот самый день, когда ему в первый

и последний раз разрешили прочитал написанную ИМ проповедь.

Впервые в жизни Роберт взобрался на амвон в качестве священника. Он до сих пор помнит, как сильно билось его сердце. Трясущимися руками он разложил листки проповедей, над которой он корпел всю ночь. Он смотрел на пляшущие буквы и все никак не мог начать — буквы продолжали свой танец у него перед глазами.

«Боялся. В тот момент я боялся».

Роберт стоял и держал свою первую в жизни проповедь. Он посмотрел на забитые народом церковные скамейки. Больше сотни совершенно незнакомых глаз были прикованы сейчас к нему.

— *«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.*

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать

и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас». (Мф. 5:1) – дрожащим голосом произнес Роберт.

– Такими словами начинается Нагорная проповедь, Заповеди блаженства Отца нашего Иисуса Христа.

В наше непростое время каждый верующий должен еще раз обратиться к посланию от Матфея – Святое Благословение. Поскольку это послание и есть суть всего земного и божественного. Все мы сыновья единого Бога нашего, и нет, и не может быть делений среди людей на верующих и неверующих. Поскольку существуют лишь те, кто уже пришел к Богу, и те, кто лишь идет. Нет и не может быть деления людей на друзей и врагов. Поскольку враг – это лишь образ, созданный в головах людей, а зачастую и вовсе заложенный кем-то другим. И в наше время это видно, как никогда.

Я хочу рассказать вам одну историю. Мы являемся жителя огромной страны, именуемой Соединенные Штаты Америки. Когда первый евангельский миссионер посетил Северную Америку, населенную в то время еще краснокожими индейцами, он увидел страну, охваченную смутами и раздорами. Сдирать кожу с головы врага считалось особенной доблестью у краснокожих. Одним из выдающихся героев был индеец по имени Маскепетон. Когда миссионер говорил ему и другим вождям этих племен об Иисусе Христе, они внимательно его слушали. Но когда он сказал им, что они должны

научиться жить в мире между собою и прощать своих врагов, они с презрением отвергли его учение и заявили, что оно годно лишь для старых людей. Вот дословное выражение Маскепетона:

«Я не приму христианства до тех пор, пока у моих врагов останется хоть один человеческий череп для скульптурирования и хоть одна лошадь для похищения!»

Но этот жестокий язычник в конце концов все-таки уверовал в Христа. Он снова услышал евангельскую проповедь на следующие слова Спасителя:

«Отче, прости им, ибо не знают, что делают».

Целую ночь после этого не смыкал он своих глаз, все раздумывая над этими словами и над тем, что добавил к ним миссионер:

«Если ты желаешь, чтобы Господь простил тебя, то ты сам должен простить тому, кто сделал тебе особенно много зла».

Душа этого индейца пробуждалась. В ней происходила внутренняя борьба, закончившаяся тем, что на следующее же утро он пошел прямо к своему злейшему врагу, убившего его сына, и примирился с ним. С тех пор он стал смиренным, любящим христианином.

Сейчас в нашей стране происходит похожая ситуация. Мы с вами имели возможность приютить у себя бедных людей, на чьей земле проливается кровь, кровь сынов Божиих. Сейчас им как никогда важна наша с вами поддержка. Я уверен,

что вся ненависть, которая льется в их адрес, вызвана тем, что люди просто забыли, что они люди. Подверженные ложной агитации, они забыли, что нет врагов, а есть только друзья. Не будьте лицемерами.

«Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: „дай, я выну сучок из глаза твоего“, а вот, в твоём глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего». (Мф. 7:1)

Сейчас во власти людей вершить чужие судьбы. Тысячи человек уже подверглись смертной казни, и еще столько же ждут ее. Но спросите себя, имеет ли право человек забирать жизнь у другого? Может ли он забрать то, что даровал ему Бог? Нет. Только Бог имеет права дать и забрать. Человек может только принять его дар и жить, зная, что рано или поздно ему придется его отдать.

«Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас. Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?

Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный». (Мф. 5:38)

Я хочу, чтобы сейчас каждый обратился к Богу. Ведь у него есть все ответы на все вопросы. Но получить их может не каждый, а лишь тот, кто умеет слышать и слушать. Так услышьте меня, братья. Не идите по той дороге, которая вымощена не вами и не для вас, ведь куда она вас приведет, вам не ведомо. Не делайте того, о чем потом будете жалеть. Лишь Бог укажет вам путь, по которому стоит идти.

Роберт помнит эту тишину. Зловещая тишина в церкви. Звук его бьющегося сердца был слышен у самых последних рядов. После проповеди была запланирована молитва. Но люди были в таком ступоре, что никто не смел пошевелиться. Поэтому, собрав свои листки, священник просто уда-

лился.

Потом были звонки. Их было много. Весь вечер его телефон разрывался от них. Упреки и угрозы – вот что он слышал за свою проповедь. В тот вечер Роберт думал, что это была его первая и последняя проповедь. Ему звонили вышестоящие священники, звонил губернатор города. Все сыпали в него камнями.

– Святой отец, вы, видимо, не понимаете, какая ситуация сейчас в стране. Церковь неразрывно связана с государством и должна находиться на его стороне в решении тех или иных вопросов. Сейчас и так много волнений среди людей, а ваши проповеди не вносят в них спокойствия, а наоборот, только усугубляют положение. Люди идут к Богу за утешением, а не для того, чтобы услышать... – грубый голос губернатора города звучал в телефонной трубке. Роберт лишь думал о том, что для снятия его с должности священника тратится слишком много слов. Мужчина на другом конце провода перевел дыхание и продолжил уже спокойным голосом. – С вашим, так сказать, начальством, мы вопрос урегулировали. Мы решили не принимать кардинальных мер. Вы, так сказать, человек новый, неопытный. Вам нужен хороший наставник, который знает обстановку в городе и пользуется заслуженным авторитетом как среди населения, так и у меня. Так что я принял решение, что впредь за вами будет присматривать судья нашего города, многоуважаемая Джейн Саммерс.

«Мерзкая Джейн. Самовоздвигнутая королева города. Она не захотела меня убирать. Куда лучше публично стукнуть меня по носу на глазах всего города и дать понять, что все под контролем».

С тех пор Роберт больше не писал проповеди. Их с утра пораньше привозила на своей машине Джейн. Она передавала их диакону Нику, который любезно приносил их священнику. Диакон все понимал. Он знал, что Роберт стал лишь куклой в руках Джейн Саммерс. Но он его не винил. За все то время, что Ник был диаконом в церкви святого Николая, Роберт был первым, кто хоть всего один раз, но все же попытался сделать что-то вопреки всем.

Итак, все стало на свои места. Вот только сколько бы себя Роберт ни спрашивал, но он так и не мог ответить, зачем вообще он написал эту проповедь?

Роберт вышел из комнаты и, пройдя по узкому коридору, оказался в большом церковном зале. В огромные витражи попадал яркий свет, красиво играя разноцветной мозаикой на деревянных скамьях. Роберт остановился и посмотрел на самый большой витраж, который был над алтарем. Николай Чудотворец. С митрой на голове и библией в руках, этот Святой грустно смотрел на Роберта, словно осуждая. Его взгляд приковывал к себе. Сколько раз священник смотрел в глаза этому святому, столько же раз старался от-

ветить на вопрос:

«За что осуждает его Николай, или это только ему кажется?»

Рядом с первым рядом скамеек раздался шум. Джейн Саммерс, не щадя старый деревянный пол, со скрипом тащила небольшую трибуну на середину комнаты. Обычно с неё она зачитывала свои обращения к жителям города.

– Старая карга, как ей еще наглости не хватило засесть на ваш амвон, – проходя мимо Роберта, сказал диакон.

– Думаю, это всего лишь вопрос времени, – улыбаясь, сказал священник, на что Ник расплылся в улыбке и покачал головой.

Диакон подошел к Джейн, взялся за трибуну и, приподнимая один край за другим, аккуратно начал двигать ее на середину комнаты.

– Спасибо, голубчик, – улыбаясь сказала Джейн. – Что бы я без тебя делала?

– Известно, что, ехала бы в магазин за новыми досками и лаком. Ведь каждый год я пол лакирую, и хоть кто-то бы отнесся по-человечески. А оно мне надо? За свои деньги, между прочим, поддерживаю здесь порядок. Когда умру, что тут будет? – тихо бурчал Ник, двигая трибуну.

Заметив Роберта, Джейн оставила диакона и мелкими шажками пошла к нему навстречу.

– Доброе утро, Святой Отец, – улыбаясь сказала она.

– Доброе утро, мисс Саммерс.

– Какой день. Какой день. Вот и дождалась. Вот, даже написала небольшую речь, вы не возражаете, если я украду у вас немного времени и выступлю. Хочу поделиться радостью с гражданами, с началом нового этапа в нашей жизни, – говоря это, Джейн пристально смотрела Роберту в глаза, откровенно пылая ненавистью. После того случая с проповедью он был записан в ее личный список врагов.

– Я с удовольствием послушаю вас, мисс Саммерс, – спокойно ответил мужчина.

– Должна признаться, меня переполняют эмоции от того, что теперь я больше не увижу *«грачей»* на улицах нашего города, – сказала Джейн.

Роберт усталыми глазами смотрел на нее, решив, что он уже исчерпал запас слов для мисс Саммерс, поэтому просто улыбчиво молчал.

«Вот и правильно, лучшие молчи, мальчик, лучшие молчи», – усмехнувшись, подумала женщина.

– Я тут еще программки распечатала. Пойду встану на входе, хочу раздать их всем желающим.

Священник лишь одобрительно кивнул головой.

Женщина пошла к входу в церковь встречать первых прихожан. Роберт стоял и смотрел ей вслед. Головная боль смешиваясь с язвительной желчью Джейн – образовывалось омерзительное отвращение ко всему происходящему.

– Змея, – проходя мимо, пробурчал диакон Ник.

Спустя час все скамейки были забыты самыми прилежными гражданами города. Отсчитывая в голове минуты, прихожане угрюмо сидели, с нетерпением ожидая, когда будет выполнен еженедельный «священный» обряд и их отпустят на праздник. Мужчины с отвращением оттягивали давившие им шею галстуки. Невыспавшиеся дети, не стесняясь, открывали свои рты, демонстрируя свои уже выпавшие молочные зубы, в вернее сказать, их отсутствие и безразличие ко всему происходящему. Лишь женщины старались доказать свою вовлеченность и скрыть страх, который испытывали к мисс Саммерс. В свою очередь, Джейн уже пробегала по сидевшей публике, ловя глаза каждой женщины и заставляя чувствовать холодок, ползущий по спине.

Среди всех этих людей было и семейство Смит. Мальчики, слишком возбужденные перед началом игрового сезона, помышляли лишь о том, чтобы поскорее надеть спортивный костюм и, схватив биту, как следует отбить кожаный мяч и нестись по стадиону, вздымая пыль и слыша аплодисменты восхищенных зрителей. Билл и Колин ерзали на деревянных скамейках и делились давившими их эмоциями. Кейт несколько раз старалась их унять, но ничего не помогало. Усталость томила ее. Сейчас Кейт хотелось лишь одного, чтобы поскорее закончился этот день. Она посмотрела на трибуну и поймала на себе суровый взгляд Джейн, который на контрасте с ее милой улыбкой действовал на нее угнетающе. Холодный пот выступил у нее на спине. Кейт не зна-

ла, почему она так же, как и все, испытывала страх, глядя на эту женщину.

«Из-за нее ты теперь спокойно выходишь из дома в халате и теряешь сон из-за черничных пирогов. Она сделала тебя своей куклой, как и всех вокруг».

Кейт ткнула локтем мужа в живот и сказала:

– Мы сейчас в церкви, а не на стадионе. Угомони мальчишек. Это неприлично.

Сэм, потирая бок, удивленно смотрит на пылающие гневом глаза жены. Через несколько секунд он что-то сказал на ухо мальчикам, и они стали шелковыми.

Рядом с родителями сидела Скарлетт. Кейт краем глаза посмотрела на дочь, которая задумчиво смотрела в телефон.

Ровно в 8:00 утра Джейн Саммерс, натянув на лицо самую миловидную в ее арсенале улыбку, обвела публику взглядом и, по привычке постучав кулачком по трибуне, начала свою речь.

– Дорогие мои друзья, сегодня начало нового дня. Начало новой эпохи в нашей стране. Сегодня мы станем с вами свидетелями истории, о которой будут читать в учебниках наши дети и внуки...

В 11:00 утра с трудом было отыскать хоть одного человека, который бы смог сейчас хотя бы в двух словах сказать, о чем проповедовала Джейн Саммерс. Весь город собрался на центральном стадионе и в ожидании начала бейсбольного матча томился под лучами еще согревающего осеннего солнца.

Матч начинался в 12:00. Сейчас тысячи горожан бродили по огромному парку, расположенному перед стадионом. Сотни развернутых палаток угощали всех желающих различными напитками, закусками, сладкой ватой, воздушными шариками и всем прочим.

Каждая семья, которая была с утра в церкви, имела свою роль на этом знаменательном празднике. Кто-то организовал надувной замок, на котором без конца прыгали дети. Другая семья заботливо продавала сладкую вату всем желающим, а кто-то продавал лимонад, который особенно пользовался спросом в этот жаркий день. Каждый был при деле. А за всем этим, потягивая черный кофе, следила Джейн Саммерс, даря каждой из семей одну из сотни своих улыбок, которая имела свою оценку.

В зеленой палатке стояла Кейт в окружении восьми черничных пирогов, из которых продан был всего один. Рядом Сэм жарил сосиски, засовывал их в булочки и, обливая

кетчупом и горчицей, отдавал всем желающим. Кейт, вдыхая дым от костра мужа, с завистью смотрела на него. Больше десятка людей стояли перед ним и с нетерпением ждали свой хот-дог. Около отца, уже переодевшись в спортивную форму, терлись Билл и Колин, поедая горячие сосиски. Кейт ощущала слабость во всем теле и огромное желание спать. Она опустила глаза и посмотрела на провонявшиеся дымом пироги. Семь запечатанных и никому ненужных пирогов стояли перед ней. Кейт слышала смех сыновей и голос мужа, который, потягивая пиво, болтал с покупателями. Все это просто бесило ее.

Смотря на пироги, Кейт представляла, как приходит домой. Она идет на верх, в ванную комнату. Открыв зеркало, берет стоящую на нижней полке оранжевую баночку. Синие таблетки. Она берет одну, а может две, и кладет их в рот. Через минуту она будет лежать на кровати и не думать ни о чем. Таблетки растворятся внутри нее, унося ее от этого мира.

На лавочке под тенью дерева сидела Скарлетт. Попивая лимонад, она смотрела на своих подруг, которые крутились около машин футболистов. Крутились около его Dodge RAM. Джонни Тейлор обнимал Монику и смеялся своим громким басистым смехом. Он знал, что Скарлетт видит его. Это было что-то вроде спектакля, который был лишь для нее. Ревность – все, чего хотел добиться Джонни. Скарлетт было жаль его.

Глядя на него, она словно снова и снова переживала тот

вечер. Она вспоминала, как он кричал, как он орал, как он...

— *Какого хрена происходит?!*

— *Ничего, — старалась как можно спокойнее сказать девушка, — ты делаешь мне больно...*

— *А ты не делаешь мне больно?! Ты можешь подумать еще о ком-то, кроме себя?!*

Еще никогда Джон не говорил с ней в таком тоне. Он еще сильнее сжал ее руку, отчего лицо девушки скривилось от боли.

— *Джонни, не смей говорить со мной так...*

— *Закрой рот! — поток слюней забрызгал ей лицо. — Думаешь, я не вижу, как ты избегаешь меня? Думаешь, я буду ползать перед тобой на коленях? Да таких, как ты, сотни, хоть сейчас я могу зайти в комнату и отвести в спальню две или три девушки...*

Скарлетт не хотела переживать это снова, поэтому перевела взгляд на свою мать, которая, опустив глаза, смотрела на свои пироги. Рядом, попивая пиво, стоял отец.

«Вот что бы ждало меня, если бы я осталась с этим кретином. Моя мать никогда не любила отца. Просто они считали, что созданы друг для друга. Ведь об этом говорили все. И однажды они просто в это поверили. А сейчас они были так далеки друг от друга, что целая вселенная поместилась бы между ними. Но самое печальное, что ни он, ни она неспособны это осознать».

Скарлетт снова посмотрела на Джонни.

«С ним меня ждало бы то же самое».

Громкий сигнал, раздавшийся со стадиона, заставил ее отвлечься. До матча оставалось полчаса. Вооружившись горячими ход-догами, попкорном, колой и пивом, все жители города медленно потянулись в сторону стадиона.

Местные газеты уже в течение шести дней описывали в разных красках *«умопомрачительный»* успех проведенного дня принятия закона. Маленькие *«Тигрята»* в пух и прах разгромили *«Скаутов»*. Новые статьи, свежие интервью жителей города, которые не жалели хвалебных слов в адрес проведенного мероприятия, а также в честь организатора мероприятия – Джейн Саммерс.

«Будем надеяться, что в это воскресенье, на 140-ую годовщину нашего города, все будет организовано на высшем уровне. Надеемся, Джейн Саммерс сумеет нас еще чем-нибудь удивить», – говорил ведущий новостей на городском телеканале.

Ведущий был прав: Джейн Саммерс готовила кое-что интересное на воскресенье. Основателем города считался Карл Стаки. Сто сорок лет назад он вместе с еще дюжиной человек решил, что неплохо было бы основать небольшой городок рядом с рекой. Всего за несколько лет место стало одним из ключевых пунктов торгового пути в Америке. К сожалению, во время гражданской войны Карл Стаки был сожжен на костре. С его стороны было весьма не осмотрительным торговать и с югом, и севером.

Тем не менее он значился как основатель города Карл-Хилл. Джейн Саммерс решила почтить память отличного

градоначальника и плохого торговца Карла Стаки сжиганием его чучела на костре при сопровождении салюта. Она считала, что это будет прекрасным знаком, символизирующим, что жители сжигают все прошлое и начинают жить заново. В пятницу огромное четырехметровое чучело было собрано и ожидало, когда факел, который, безусловно, будет держать в руках Джейн, коснется его и старик Карл Стаки вспыхнет ярким пламенем.

В воскресенье вечером должен состояться первый матч по футболу. Поэтому языческое сожжение было запланировано после него.

Роберт с трудом открыл глаза. На часах было 7:15. Голова все также болела. Казалось, у него и не было жизни без этой боли и без этого жжения на лбу. Священник не слышал звона будильника, поэтому, с трудом соображая, лежал в кровати, стараясь понять, что же его разбудило. Приподнявшись, он заметил на столе свежий лист проповеди.

«Значит, Ник уже был тут, он-то меня и разбудил».

После случая, происшедшего в пятницу, диакон Ник избегал священника. Будет честным сказать, что он стал его бояться. Что же послужило резкой переменой отношения старика Ника к своему молодому священнику? А случилось следующее.

Проснувшись в пятницу с утра, Роберт по обыкновению

пошел умываться. Умываясь ледяной водой, которая на доли секунды могла заглушить боль, он провел рукой по лбу и ощутил нечто странное. В том месте, где всю неделю без конца горел лоб, кончиками пальцев он ощутил два едва заметных бугорка. Приглядевшись в зеркало, он даже их не заметил, но когда повернул голову, стало отчетливо видно, как на лбу, чуть выше бровей, стали выступать два бугорка.

Первой мыслью Роберта было то, что он набил себе две шишки. Но эта теория прожила не больше секунды, поскольку такого припомнить не мог. Смотря на себя в зеркале, Роберт стал припоминать статьи в интернете, которые он недавно читал.

«Головная боль в области лба может сигнализировать о развитии следующих болезней и патологических состояний...»

Список устрашающих названий состоял из двенадцати вариантов. Роберт выделил для себя наиболее, на его взгляд, подходящие к его симптомам варианты. Это была мигрень, невроз и гайморит. Но сейчас к пульсирующей и жгучей боли добавился еще один симптом, который был виден невооруженным глазом.

Роберт прошел к себе комнату, открыл ту самую статью и углубился в чтение. Он так был увлечен, что не заметил, как рядом с ним возник Ник, который с удивлением смотрел на него.

– Что-то случилось? – хмуря брови, спросил он.

– Я думаю, мне нужно сходить к врачу.

– А я тебе о чем толкую уже на протяжении недели. Почему именно сейчас?

– Да вот посмотри, – Роберт встал с кровати, подвинув свой лоб диакону под лицо.

Если честно, священник немного запаниковал. Он никогда не сталкивался с таким. Поэтому ему было сейчас страшно. Закрыв глаза он с нетерпением ждал, что сейчас Ник осмотрит его лоб, и ухмылкой скажет:

– Пффф, так это... Ничего страшного. Сходи к врачу, он все сделает. Завтра уже будешь как новенький.

Роберт даже ждал долгой дискуссии, на тему «Я же тебе говорил», но пауза все росла, а Ник все также молчал. Тогда священник не выдержал и спросил:

– Ну, что думаешь?

– Я никогда такого не видел, – тихо сказал диакон. – Тебе, определенно, нужно к врачу.

Роберт открыл глаза и посмотрел на Ника. В его глазах стояли два больших вопроса и испуг.

– Думаю, это гайморит. Просто я его запустил. Надеюсь, ничего страшного. Пойду к врачу. Я возьму твой пикап?

Диакон лишь утвердительно кивнул головой, смотря на него широко открытыми глазами.

Таковыми же глазами на него смотрел и доктор. И без слов было понятно, что он понятия не имеет, с чем он имеет дело.

– Святой Отец, – сглатывая слюну, сказал врач, – я пока ничего определенного сказать не могу. Но, я думаю, что вы можете быть правы, это может быть очень запущенный гайморит. Не хочу вас пугать, но это может быть и опухоль. Травм головы в последнее время точно не было?

– Я уверяю вас док... тор.

– Ну, ничего, не волнуйтесь. Сейчас мы сделаем томографию головы. Там уже будет все понятно.

Роберт лежал в томографе, закрыв глаза. Он слышал, как магнитные катушки начали свою работу. Внутри он чувствовал страх от неизвестности. В голове вместе с головной болью смешивались очень страшные прогнозы, которые священник уже сам себе накручивал. И вдруг, среди этих ведущих к его к смерти мрачных мыслей, которые отличались лишь оставшимся сроком и муками, Роберт впервые за долгое время вспомнил о нем. Священник Храма Авраама, отец Яков. Его учитель. Он был первым, кто обратил внимание на маленького мальчика.

Закрыв глаза, Роберт вспомнил тот день. Воскресенье. Было холодно, поэтому в церковь пришло совсем немного народу, человек десять от силы. В основном, это были бездомные, которые в большей степени приходили не за проповедью, а за тем, чтобы погреться. Сам девятилетний Роберт сидел на первой скамье и слушал. О чем была та проповедь,

он уже забыл. Но в голове его навсегда отпечатался разговор за обедом, случившийся сразу после проповеди и совместного чтения молитвы.

Они сидели у окна в небольшом кафе. Во время обеда здесь собиралось много народу. Но в это воскресенье все сидели дома, поэтому на тот момент в кафе были только они вдвоем, не считая сонной официантки.

Роберт ел блинчики с сиропом, а отец Яков просто пил чай. В целом, священник нравился Роберту, он был добрым. И что самое главное, он не лез к нему с нравоучениями. За окном все также продолжал идти снег. Вот уже сутки он засыпал город, и, по прогнозу синоптиков, такая погода должна была продержаться еще пару дней.

– Святой отец, можно задать вам вопрос?

– Конечно, сын мой.

– Скажите, вы ведь видели, что сегодня пришло всего двенадцать человек.

– Нет, я не обратил на это внимание. А ты, значит, даже подсчитал?

– Да, я подсчитал, – краснея, сказал Роберт. – А большая часть из них – это обычные бродяги.

– Так, по-твоему, бродяга не может прийти на проповедь в церковь?

– Нет, почему же, может. Просто, я не думаю, что они пришли, чтобы послушать вас или помолиться. Скорее, они просто хотели найти теплое место, чтобы погреться.

– Я счастлив, что смог хоть чем-то помочь этим бедным людям. Посмотри, что сейчас твориться за окном. Им сейчас совсем нелегко приходится.

– Я понимаю, – замявшись, сказал Роберт. – Но я не о том говорю.

– А о чем же ты тогда говоришь?

– Зачем вы проповедуете людям, которым совершенно наплевать на то, что вы говорите им? Ведь они просто приходят, чтобы погреться, а другие лишь для галочки, чтобы успокоить свою совесть.

– Ведь ты тоже сидел и слушал меня. Так к каким людям мне тебя относить: к тем, кто пришел просто погреться, или к тем, кто хотел успокоить свою совесть?

Роберт лишь молчал.

– Я не виню тебя, что ты не веришь, – улыбаясь сказал священник. – И не виню тех людей, что приходят лишь для галочки. Я читаю проповедь потому, что всем сердцем верю, что, может быть, этот замерзший бездомный или усталая женщина, которая пытается просто найти среди долгой недели всего лишь час времени, чтобы побыть в тишине от работы, от мужа и детей, сидя на церковной скамье, вдруг поймут, что все мы связаны с Богом, как и он неразлучно связан с нами. Что в заснеженном городке усталая домохозяйка, бездомный и маленький мальчик, сидя в одном помещении, вдруг осознают, что сейчас они там, где и должны быть. Как и я стою и читаю свою проповедь там, где и должен быть.

Пусть ее никто не слушает, зато ее слышу я. Это мой долг перед Господом. И пусть в церкви сидел даже ты один, я все равно бы ее читал, я все равно бы продолжал бороться за тебя, пусть ты и не веришь в Бога.

– Я не то чтобы не верю, отче...

– Запомни, Роберт. Пока у тебя есть такая возможность, ты должен бороться, несмотря ни на что. Пойми, у меня есть большая сила нести Голос Божий людям. Это не просто. И я знал, что это будет нелегко. Но ведь и Иисус Христос тоже нес свой крест, как я несу свой. Он не бросил его и не сдался, как не сдамся и я. Вера придет еще к тебе Роберт. Я уверен.

Томограф дернулся и выкатил священника обратно. Роберт с трудом скинул ноги с прибора, запутавшись в ненавистой ему рясе. Доктор был в соседней комнате, стоял и разглядывал снимки. Надеясь на самое худшее, Роберт сидел и смотрел на пол.

Доктор медленно подошел к священнику. Его лицо выражало недоумение, но не больше. Роберт немного успокоился.

– Ну, что скажете, доктор?

– Я... Я даже не знаю. Никаких опухолей я не наблюдаю, но вот тут, – он протянул снимок священнику и ткнул в середину указательным пальцем, – у вас на лбу... Даже не знаю, – доктор склонил голову и стал чесать затылок, стараясь всполошить остатки мозга и выдавить из себя хоть какую-то правдоподобную теорию.

Роберт молча смотрел на снимок. Если бы сейчас ему су- нули в руки пустой лист, он даже не заметил бы разницы. Все, о чем он думал, так это о том, чтобы доктор поскорее выписал ему обезболивающие, уже тогда можно будет пораз- мыслить.

– ...Где у вас так называемые вами «ишшики», это очень похоже на какие-то костные образования. Да. Очень похоже. Но это точно не опухоль. Знаете, что лучше всего сделать, святой отец? Приходите ко мне через пару дней, тогда мы сделаем еще снимок, думаю, он лучше покажет ситуацию.

Роберт посмотрел на доктора. В его голове витали сотни вопросов:

«Что значит костные образования? Почему нужно прий- ти через пару дней? Неужели, доктор считает, что эти „костные образования“ продолжают расти?»

Но все, что он смог сказать:

– Доктор, дайте, пожалуйста, мне какое-нибудь обезболи- вающие, моя голова ... – Роберт чуть было не сказал «*чер- товски*», но все же в последний момент исправился, – черес- чур сильно болит. Прошу вас.

– Да, конечно, святой отец. Я вообще советую вам бли- жайшие дни провести в покое, если хотите, могу выписать вам справку по состоянию здоровья?

«И кому мне ее показать? Джейн Саммерс?»

– Нет, спасибо доктор.

Ручка доктора выводила кривые буквы по бумаге. Этот

скрип для Роберта был звуком, когда острым гвоздем проводят по стеклу. Он проникал во все его клетки и отдавал нестерпимой болью.

Доктор протянул листок священнику. С трудом, но все же Роберт смог разобрать: *«Тайленол»*.

– Доктор, эти таблетки можно выписать и без рецепта.

– Я знаю, святой отец. Но ничего сильнее я сейчас не в силах вам выписать. Пока мы не знаем, с чем имеем дело, это может лишь усугубить ваше состояние.

Роберт сложил листок и положил себе в карман.

«Жалкий трус».

Священник знал его. Худой и высокий, он всегда сидел на одном ряду с Джейн Саммерс в своих круглых маленьких очках.

«Будь тут ОНА, ты бы вынес для нее всю аптеку».

– Спасибо, доктор.

Роберт сидел в пикапе и смотрел оранжевую банку из-под таблеток. Солнце ярко светило в окно. Доносились смех и крики детей, играющих на площадке. Закинув парочку таблеток в рот, Роберт закрыл глаза, оказавшись в своей комнате сразу же после своей первой проповеди и бесчисленных звонков. Он сидел в кожаном кресле и смотрел в пустоту. В тот момент он хотел лишь одного – собрать свои вещи и уехать в неизвестном направлении. Сидя в кресле, он слышал стук в дверь.

– Разрешите войти, святой отец? – прохрипел диакон Ник.

– Да, конечно. Можно просто Роберт.

– Хорошо, хорошо, – маленький седой старичок тихо зашел в его комнату и сел на край кровати. – Ммм, да уж, – он провел по своей седой бороде рукой и пристально посмотрел на Роберта. – Я хотел сказать, что ты молодец. Да, молодец. Порадовал старика, порадовал. Иногда людям надо давать понять, что не все в этом городе решает Джейн Саммерс. Есть кто-то выше ее.

– Ну, теперь уже нет. Теперь ее назначили *«приглядывать»* за мной.

– Это вполне ожидаемо. Как раньше она к тебе не пришла, не знаю.

– А должна была?

– Еще бы. Без нее в этом городе ничего не происходит. Так что, я считаю, ты правильно поступил, что выступил. Правда, теперь ты в ее личном списке врагов, как и я, – улыбаясь, сказал диакон.

– А как же читал проповеди священник, который служил в этой церкви до меня?

– Известно дело, как! ОНА ему их на блюдечке с утра пораньше приносила. Как и тебе теперь будет приносить.

– И что же, священник никак не боролся?

– Кто? Отец Джозеф? – ухмыляясь, спросил диакон. – А как ты поборешься? Ты еще не знаешь, с кем имеешь дело. Что тебе сказали про отца Джозефа, когда сюда направляли?

– Сказали, что он умер.

– Пффф. Брехня, – грубо сказал Ник. – Умер?! Как же, умер!

– А что тогда?

– Его Джейн Саммерс в могилу свела. Да еще собственноручно гвоздики в гроб забила своим судейским молоточком. Вот что-что, а бить молотком она умеет, – у диакона выступили слезы на глазах. Сделав небольшую паузу, он продолжил. – Знаешь, когда в последний раз с трибуны в этом храме звучали настоящие проповеди? Когда в церковь ходили от силы десять человек, которые были истинно верующими людьми. Сейчас Бог знает, где они. А после того как церковь стала нераздельно связана с государством, то все. Баста. Думаешь, отец Джозеф не выступал с такими проповедями, как ты сегодня? Выступал. Он боролся. Хоть и старый был. Но боролся.

Диакон Ник сидел, потупив взгляд. Его глаза были устремлены в угол комнаты. Казалось, он на кого-то там смотрел.

– Но Джейн Саммерс всегда найдет у тебя слабое место. Она страшный человек. Страшный. Перед большими церковными праздниками у нас организуется хор детей. Ну, ты сам еще увидишь. Знаешь, почему дети лучше взрослых? Потому, что они не ведают, что творят, просто доверяют своим родителям. Уж те... Когда Джейн Саммерс стала королевой города, она начала тянуть свои пухлые руки к церкви.

Но Отец Джозеф дал ей понять, что церковь не нуждается в ее поддержке. Так ты знаешь, что сделала это женщина? Она принесла три заявления от родителей мальчиков, которые поют в хоре, о сексуальных домогательствах со стороны отца Джозефа, — диакон улыбнулся и, вытирая слезы с глаз, посмотрел на Роберта и спросил: — Как тебе? Сильный ход?

Роберт покачал головой. В тот момент ему стало не по себе.

— Что оставалось делать отцу Джозефу? Ничего. С тех пор он стал потихоньку умирать. Он перестал что-либо делать и без конца просиживал в этой комнате, все время читая молитвы. Днем и ночью. Однажды, уже перед самой смертью, он сказал мне:

«Знаешь, Ник, мне страшно. Мне страшно умирать. Я предал себя, предал Бога. Что я „там“ ЕМУ скажу?»

Пауза повисла в комнате. Сейчас Роберту стало страшно. Он вспомнил милое личико Джейн Саммерс, которая так приветливо ему улыбалась всего несколько часов назад. Что было за этой улыбкой? Какое дело она сфабриковала уже на него?

Диакон Ник, вытерев последние слезы, кряхтя встал с кровати и подошел к Роберту. Он положил ему руку на плечо.

— Роберт, не вступай с ней войну. Она страшный человек. Она зло. Но ты молодец. Порадовал старика. Ты слишком молод. Я не хочу хоронить еще одного священника.

Повернувшись, он медленно пошел к двери. Он обернулся

на священника и тихо сказал:

– Ты молодец. Отец Джозеф гордился бы тобой. Ты молодец.

Хотел ли Роберт нажить себе врага в лице Джейн Саммерс? Нет. Тогда зачем он прочитал эту проповедь, взбудоражившую тихий городок? Роберт столько раз искал ответ на это вопрос, но так и не мог найти.

«Может, я просто хотел показаться, а не быть? Но не быть кем?»

Старенький пикап марки Ford скользил по загородной дороге. Роберт сидел за рулем. Ехать было по меньшей мере минут сорок. Лоб горел, отдавая сильной болью по всему телу. Больше всего доставалось органам, находившимся рядом с эпицентром боли. Глаза реагировали на каждый яркий свет, нос был заложен, а в ушах стоял постоянный звон.

«Не лучшая идея садиться в таком состоянии за руль», – подумал Роберт.

На часах было 00:15. На дороге лишь изредка попадались машины. Натянув капюшон сильнее на глаза, водитель открыл окно, давая прохладному ночному воздуху обдувать лицо. Пикап был в столь плачевном состоянии, что даже при закрытом окне на водителя дул непонятно откуда просачивающийся воздух.

«Наверное, зимой, это то еще удовольствие ездить на этой «развалине».

Роберт наклонил голову к окну, стал размышлять о том, чем еще можно унять эту боль. В куртке толстовки лежали выписанные доктором таблетки, которые помогали только первое время, а сейчас от них было столько же пользы, сколько от леденцов.

«Мог бы выписать что-то посерьезнее. Жалкий трус».

Роберт больше не пошел к врачу. *«Костные образования»*

продолжали набухать. Боль не уходила. Два дня он не покидал свою комнату, сославшись на состояние здоровья, так что этим утром воскресную проповедь пришлось прочитать Нику. Диакон сильно переживал за священника и старался всеми силами ему помочь. Приносил ему еду, воду, а также лед, который Роберт прикладывал на лоб, чтобы хоть как-то облегчить боль. Но все же это слабо помогало. Когда диакон больше не мог смотреть на больное лицо Роберта, он ему предложил съездить в поселение «*грачей*», где, по его словам, он смог бы купить себе сильные обезболивающие, которые ему продадут без рецепта. Откуда такая информация была у старика, Роберт не стал разбираться. Он лишь переоделся и, взяв ключи от пикапа, отправился в путь.

В джинсах, кроссовках и старой потертой толстовке Роберт чувствовал себя комфортно. Ему было приятно хоть какое-то время походить в обычной человеческой одежде. Он словно оказался тем 9-летним мальчишкой, который не знает, что ему делать.

Дорога представляла собой небольшие прямые участки, за которыми следовали все новые и новые повороты. Разогнаться больше 50 километров было невозможно. Но Роберт никуда и не спешил. Ему нравилось огигать эти гигантские, дышащие прохладой леса. В темноте они выглядели чертовски пугающими. Почему-то именно сейчас Роберту захотелось оказаться там, в крошечной тьме, вдали от всего: от людей, от проблем, от боли, от Бога. Смотря, как дорога уходит

в поворот, сбрасывая скорость и поворачивая руль, он думал о том, какая сейчас тишина и прохлада стоит в лесу. Как едва слышно шуршат огромные ели от легких порывов осеннего ветра. Роберт представил, как он лежит на холодной траве и сквозь огромные кроны деревьев смотрит на звезды. Корни деревьев обвивают его руки и ноги. С едва слышимым треском они утянут его под землю. Туда, где лишь одна тишина, где нет место для боли.

Он провел рукой по лбу, ощутив две больших шишки, которые ужасно зудели, но чесать их было невыносимой болью. Лишь слегка проведя по ним рукой, Роберт ощутил боль, такую сильную, что его правая рука с силой вцепилась в руль, а глаза инстинктивно зажмурились. Все тело пробил пот.

«Эта дрянь рвет меня изнутри!»

На часах было 00:47. Пикап медленно остановился у поселения «*грачей*». Роберт вышел из машины и медленно побрел к открытым настежь ржавым и кривым воротам. Он еще никогда не видел своими глазами поселения беженцев, лишь мельком в новостных репортажах. То, что показывали по телевизору, резко отличалось от того, что было на самом деле.

По телевизору это были большие поселения. Пять огромных улиц, более трехсот домов, которые представляли собой хорошо обустроенные жилища, со всеми коммуникациями для жизни. Улицы были асфальтированы и освещены. Рядом с каждым домом стоят мусорные баки, которые дважды

в неделю забирают специальные машины.

«Прекрасные условия для жизни!» – улыбаясь, говорил корреспондент с экрана телевизора.

В действительности все обстояло куда проще. Две небольших улицы и, от силы, сотня домов. Никакого освещения, кроме металлических баков, в которых, воняя на всю округу, догорал мусор. Вместо асфальта просто гравий. Роберт вспомнил, как Джейн Саммерс читала список беженцев, живущих рядом с их городом.

«Три сотни человек находится у нас на попечительстве...» – звучал в голове ее мерзкий писклявый голос.

«Три сотни?! Да тут домов только на человек сто. Неужели здесь жили все эти люди?»

Роберт подошел к главным воротам, над которыми висел большой плакат с бывшим президентом Рупертом Гринном, который, широко улыбаясь, держал на руках маленького мальчика. В руках у беженца была пластмассовая машина, на двери которой был нарисован флаг США. Лозунг над плакатом гласил:

«Вместе к светлому будущему!»

Роберт посмотрел направо, где в миле от этого «городка» красовалась огромная свалка.

«Вот и сборы мусора, трижды на неделю. Отличные условия для существования. А мы еще свысока рассуждаем о том, что „грачи“ мешают нам жить».

– Тебе чего нужно, друг? – донесся голос со стороны будки для охранника, которая стояла рядом с воротами.

– Хотел кое-что купить. Но, видимо, продавцов тут уже не осталось?

Из будки вышел парень, на вид ему было лет восемнадцать. Он был одет в черные кеды, рваные на коленях джинсах, черную толстовку и красную бейсболку. В темноте Роберт не мог рассмотреть его лица.

– А что именно ты хотел купить? – спросил парень, делая глоток из наполовину пустой бутылки виски.

Роберт с опаской смотрел на парня. Но головная боль не давала бояться.

– Мне нужны таблетки. Обезболивающие. Сильные обезболивающие. Мне сказали, что здесь я могу это купить.

Парень отпил еще глоток виски и, ухмыльнувшись, спросил:

– Это вроде тех, что не продают без рецепта?

– Будь у меня рецепт, разве я приехал бы сюда?

– Ну да. Верно, – сказал парень и стал просто смотреть на священника.

Пауза стала затягиваться, поэтому Роберт спросил:

– Ну так что? Ты мне pomoжешь?

– Я? – удивленно спросил парень. – Нет, друг, прости. Я не драгдилер, лишь алкоголик. Если хочешь, я могу угостить тебя виски. Это самое мощное обезболивающее, что есть у меня.

– Нет, спасибо. Это обезболивающие я мог бы и сам купить. Только оно не помогает.

– Может, малыми дозами принимаешь? – ухмыляясь, спросил парень

Роберт пристально посмотрел на него, стараясь разглядеть лицо собеседника, но в темноте это было невозможно.

– А что? Все уже уехали?

– Да. Сегодня последние «*грачи*» уехали. Прямо как по заказу, началась осень, и «*грачи*» улетели, – смеясь, сказал парень. Его смех был каким-то вымученным, словно сыгранным бездарным актером. Он сделал пару медленных шагов к Роберту, словно проверяя, не испугается тот и не убежит ли от него. Священник продолжал стоять на месте. – Слушай, ты ведь сейчас обратно в город поедешь?

– Допустим.

– Будь другом, подкинь меня до города. А то я чувствую, что изрядно выпил, вряд ли сам доковыляю. А спать на улице... Перспектива весьма сомнительная. Конечно, не бесплатно.

– Мне не нужны деньги, – сухо ответил Роберт.

– Не волнуйся, у меня их нет, – ухмыляясь, сказал парень, он сделал еще пару шагов по направлению к священнику и оказался уже в трех шагах от него. Он снял кепку, так что было видно его весьма приятное смуглое лицо. Улыбаясь, он развел руки, в одной из которых была бутылка виски, словно говоря:

«Смотри, у меня ничего нет. Я славный малый. Со мной не будет проблем».

– Я немного приврал. Виски не самое сильное обезболивающие, что у меня есть. Как для меня, оно самое действенное, главное, выпить побольше. Но тебе, видимо, нужно что-то попроще. Так вот, у меня есть немного *травки*. До города ехать почти час, так что можем выкурить по *сигарете*. Он тоже неплохо снимает боль. Я уверяю.

Роберт пристально посмотрел на парня.

«Что я, собственно, теряю? Хуже уж точно не будет. Не зря же я ехал сюда».

– Идет, – и он протянул руку парню.

Тот немного отпрянул назад от неожиданности. Но потом он засверкал белоснежными зубами, словно светящимися в темноте, отчего Роберту даже пришлось отвести взгляд, чтобы унять боль в глазах.

– Я знал, я знал. По тебе сразу видно, что ты хороший мужик. Я как только тебя увидел, сразу сказал себе: Томми, этот парень тебя отвезет домой, – крепко сжав руку Роберту, говорил парень.

– Ну да, а что ж ты тогда подкрадывался ко мне, словно вор?

Когда юноша был рядом, ему наконец удалось увидеть его лицо. Даже под бейсболкой и кипой темных волос трудно было не заметить, что оно красивое. Смуглая кожа говорила о его связи с *«грачами»*, но вытянутый овал, темные, узко

посаженные глаза, высокий лоб и тонкие губы – все это придавало его лицу своеобразную красоту.

– Ну, знаешь, в последние время я тут такого насмотрелся, что лишний раз быть осторожным не повредит. Никогда не знаешь, что ждать от человека. Может, у тебя в толстовке пистолет или нож.

– Почему ты думаешь, что сейчас его там нет? – улыбаясь и пристально смотря на парня, спросил Роберт. Парень ему понравился.

– Ну, нет, – парень отмахнулся от него рукой. – Ты не таковой. Это видно по твоим глазам, – и парень поднес свои два пальца к глазам, а потом повернул их к Роберту и сделал вид, что тычет ими ему в глаза. – Глаза – зеркало души.

Роберт лишь усмехнулся.

– Ладно, поехали уже.

– Как скажешь, только мне нужно еще мой велик забрать. Закину его в кузов?

– Давай.

Первые десять минут попутчики ехали молча. Тишину в кабине нарушала только вибрация на телефоне юноши, который лишь пробегал глазами по экрану и прятал телефон обратно в карман. На поворотах велосипед с лязганьем кидало по всему кузову. В этот момент Роберту представлялось, что какой-то маньяк сейчас стоит сзади, проводя своим тесаком по металлу, стараясь вызвать еще большей страх у своих

жертв. Парень достал из рюкзака книгу. Открыв ее, он вынул небольшой полиэтиленовый пакет. Следующие пять минут он старательно пытался скрутить сигарету. Несколько раз он начинал снова, его руки тряслись. Когда Роберт посмотрел на него, он лишь пожал плечами и сказал:

– Да, я перебрал...

С третьего раза у него все же получилось и, сделав пару затяжек, передал его водителю. Держа его в руках *сигарету*, Роберт пристально посмотрел на нее и сделал глубокую затяжку. В горле сразу возникла едкая горечь. Горечь во рту маленького девятилетнего мальчика, который просто не знает, что ему делать дальше.

Роберт хотел по максимуму задержать дым, но организм был против и с кашлем выгнал его из легких. Кашель был настолько сильный, что из глаз выступили слезы. Попутчик взял у Роберта сигарету и, сделав затяжку, с улыбкой спросил:

– Первый раз?

– Нет, – ответил водитель, отхаркнув скользкую слизь из горла и выплюнув ее в окно. – Просто забыл, как это делается.

– Это как долго не ездить на велике: пару движений педалями – и тело само все вспомнит.

Роберт искоса посмотрел на парня. Может, это в нем говорил наркотик, или отступающая боль дала возможность здраво смотреть на вещи, но ему определенно стал нравиться-

ся этот юноша. Он затянулся еще раз, но уже не так сильно. Вкус был такой же мерзкий, но организм уже не отторгал дым.

Сигарета была выкурена. Оба пассажира молчали. Головная боль не ушла, но она стала какой-то другой. Словно где-то над городом сейчас взорвалась ядерная бомба, уничтожив всех людей. И сейчас, сидя за рулем, Роберт видел этот радиоактивный гриб, который через пару секунд сдерет с него кожу. Глядя на него, он знал, что вот она, боль, она рядом, через мгновение она будет здесь. Это он и испытывал, боль уже рядом, но пару мгновений без нее казались ему вечностью.

Телефон снова завибрировал. Юноша посмотрел на экран и нахмурил лоб. Он открыл сообщение и написал пару слов, потом стер и снова написал. Еще раз прочитав текст, он уже было нажал на кнопку отправить, но потом резко стер его и положил телефон в карман.

– Можешь позвонить. Я не буду подслушивать.

– Ничего, подождет до завтра, – сделав глоток из бутылки, парень откинул голову на сиденье. – Я знаю, кто ты, – тихо сказал он.

Роберт ничего не ответил. От травы у священника выступил пот по всему телу. Правой рукой он вытер его со лба, на удивление впервые не почувствовав боль.

– Ты отец Роберт. Священник в церкви. Отчим ходит туда. Он рассказывал о тебе.

– Надеюсь, только хорошее, – с опаской ответил водитель, но боль еще была радиоактивным грибом, который завис над городом. В машине его еще не было.

– Ну, то, что ты куришь *травку*, он мне точно не рассказывал, – смеясь, сказал парень. – Он рассказывал о твоей первой проповеди, полгода назад. Наделал же ты тогда шуму. «Возлюби врага своего»? Так, да? Ты правда говорил об этом с трибуны?

Роберт лишь пожал плечами.

– Смело. Знаешь, в то воскресенье отчим впервые вернулся из церкви с надеждой в глазах. Давно я его не видел таким. Он сказал мне тогда:

«Знаешь, сегодня я вдруг снова поверил, что существуют еще настоящие люди».

После он такого больше не говорил. Видимо, вас хватило только на один раз.

– А кто твой отчим?

– Дантист, Джереми Клок. Он каждое воскресенье бывает у вас в церкви.

– Да, я знаю. А почему я тебя не вижу в церкви?

– Ну, думаю, потому что я *«грач»*, – улыбаясь сказал парень. – Так что, простите, что не прихожу.

– Да ничего. Томми, или Томас? Как мне к тебе обращаться.

– Мне все равно, как вам больше нравится.

– Расскажешь мне, Томас, что ты делал там, в городке бе-

женцев?

– Ответ за ответ?

– Идет.

– Тогда я спрошу первый. Вам обезболивающие нужны, потому что у вас болят... эти штуки? – Роберт искоса посмотрел на парня, который указал пальцем на его лоб. – Вы всю дорогу их трете. Сложно не заметить.

Роберт лишь улыбнулся и утвердительно кивнул головой, но капюшон он все же натянул пониже.

– Да, не повезло. А что врачи говорят?

– Ничего. Твоя очередь отвечать.

Томас сделал глоток из бутылки и, глубоко вздохнув, сказал:

– Я прощался со своими родственниками и друзьями. Теперь я остался один.

– А в школе у тебя нет друзей? Или ты не ходишь в школу? По закону, ты имеешь на это полное право.

– Ходил.

– Почему ходил?

– Потому что я перевелся на домашнее обучение. Да, мой отчим гражданин США, но мать *«грач»*. Хотя я и так называемый *«полукровка»*, но в глазах людей я все такой же *«гнусный беженец»*. Сейчас для нас не самое благоприятное время. Поэтому я решил не мозолить лишний раз людям глаза и просто доучиться дома.

Роберт понимал парня. Он имел полное право учиться

в школе. Но что может быть хуже нападков со стороны сверстников и учителей?

«Смог бы он спокойно доучиться в школе? Думаю, нет», – решил священник.

– Наверное, мы скоро уедем. Знаете, сколько в нашем городе насчитывалось таких семей, как наша, еще пять лет назад? Больше пятидесяти. Тогда все холостяки захотели себе смуглянку в жены. Видимо, так было модно. И где они сейчас? В городе мы последние. Скоро и нас вытурят отсюда. Отчим старается делать вид, что все хорошо. Так же работает, ходит на все городские собрания, праздники, в церковь. Вот только без нас с матерью.

Парень отпил еще пару глотков из бутылки. Впереди медленно приближались огни города.

– Иногда я вижу ненависть в его глазах. Когда он напивается и орет на меня. Но разве я в чем-то виноват? – громко сказал парень. Он сильно сжал бутылку и тупым взглядом уставился в окно. – Хотя плевать, главное, что мать не трогает.

Машина медленно ехала по улицам. Роберт остановился у дома на самой окраине города.

– Спасибо, святой отец.

– Просто Роберт.

Телефон снова завибрировал. Юноша посмотрел на смс и сделался совсем хмурым. Он убрал телефон и каким-то странным взглядом посмотрел на священника.

– Роберт, можно тебя спросить?

– Конечно.

– Мой отчим каждое воскресенье ходит к тебе в церковь. Слушает тебя. Он носит крестик и ведет себя, как добропорядочный христианин. Но у нас дома нет ни одной, даже самой маленькой библии. Я ни разу не слышал, чтобы он молился. Каждый вечер он пьет и обвиняет меня и мать во всех грехах. Я не знаю, может, дело тут совсем не вере. Но ответь мне, – глаза юноши медленно наполнялись слезами, – ведь ты Священник, ты каждое воскресенье несешь слова твоего БОГА людям, которые выгнали моих братьев из страны, а тех, кого не выгнали – убили. Они разрушали мою родину и не дают мне почувствовать себя здесь человеком, хотя, как ты заметил, я имею на это полное право. Я не сужу вашу веру и не сужу тебя, я лишь хочу спросить. Не думаешь ли ты, что уже давно никто не играет, а ты до сих пор только читаешь правила игры, слепо считая, что это важно?

Не дождавшись ответа, парень вышел из машины и, достав велик, пошел в сторону темного дома, оставив священника одного, наедине со своими мыслями и радиоактивным облаком, которое наконец его накрыло.

В то время, как старый пикап заглох на заднем дворе церкви, Скарлетт смотрела на звезды сквозь листву. Рядом слышалась река. Девушка лежала и смотрела в небо и хотела лишь одного: услышать, как мать ставит горячую чашку

на стол, и резкий запах шоколада ударяет ей в нос. Но сейчас она чувствовала лишь запах своей собственной крови.

– Постарайтесь вспомнить все. Тут важно все, до малейших деталей.

Брюс пытался. Он прокручивал в голове все это утро. Они поругались. Сейчас ему кажется это такой глупостью. Все становится глупостью, когда ты становишься свидетелем такого.

На часах было 4:00. Билл Коллинз стоял в гараже. Тусклый свет лампы падал на стеллаж с его рыболовными снастями. Билл уже четвертый раз перерыл все полки, но все никак не мог найти двойные крючки для джиговой ловли. В это безветренное утро он лелеял себя мыслью поймать какого-нибудь сома или небольшую щучку. Погода сегодня была на его стороне, да и впервые за долгое время у него с утра не болели колени. Но вот как назло уже десять минут он все никак не мог найти двойные крючки.

«Я же прекрасно помню, что клал их на третью полку. Они всегда лежали между офсетными и одинарными крючками. А сейчас их там нет!»

Стоя в полумраке, он поднял бежевую панаму и почесал лоб. Ноги в резиновых сапогах уже начинали преть, и драгоценное время убегало безвозвратно.

«Ничего не поделать, придется снова ее будить».

– Господи, полпятого утра. Мне через два часа на работу. Ты дашь мне выспаться или нет? Сначала сапоги, потом твоя жилетка, а сейчас что?

– Я не могу найти свои двойные крючки. Они всегда лежали на третьей полке, между офсетными и одинарными, а сейчас их там нет!

– Так ты думаешь, я их взяла? – нервно надевая халат, говорила его жена Сьюзан. С заспанным лицом она спускалась на первый этаж и шла на кухню, к задней части которой прилегал гараж. – Знаешь, в чем твоя проблема? Нужно с вечера все готовить, тогда не придется с утра бегать, как дурак, и меня будить.

– Мне ничего не нужно готовить с утра. Я прекрасно знаю, где у меня все лежит. Если бы ты вечно все не перекладывала, я бы уже давно был на реке и спокойно рыбачил.

– Ну как же, снова я виновата!

– А кто, я?! – громко рявкнул Билл, включая свет в гараже. – Кто переложил мою жилетку из шкафа в гараж?

– Извините, – Сьюзан повернулась к мужу и, выставив свой старый морщинистый указательный палец, стала трясти им перед лицом, – если ты вешаешь в шкаф, где, между прочим, висят и мои вещи тоже, свой провонявшийся болотом жилет, то не стоит удивляться, что он оказался в гараже, а не в мусорном ведре.

Билл хотел запротестовать, но жена, сощулив глаза, стро-

го посмотрела на него и, резко сжав перед его носом кулак, обрезала разговор. Она подошла к рыбацкому стеллажу и стало смотреть на полки.

– Ну, и что я должна увидеть?

– Ну как же, вот тут, – Билл встал рядом с полками и стал доставать с них коробки с крючками. – Между офсетными и одинарными крючками должны быть двойные, а их нет. Я их не брал.

– Я тем более не брала. Для чего они мне? Вылавливать куриное мясо из супа?

– Я почему знаю, для чего они тебе? Но раз у меня их нет, значит, это твоих рук дело. Та же самая ситуация, что и с жилеткой.

– Слушай, я не понимаю, в чем проблема? Возьми вот эти крючки, какая разница? Я спать хочу.

– Вот в том-то и дело, что ты ни черта не понимаешь и понять не хочешь. Мне нужны именно двойные крючки. Двойные! – Билл тряс коробками с крючками, при этом усиленно бомбардируя заспанное лицо жены слюнями.

– Да хватит, – вытирая лицо сказала Сюзан. – С возрастом ты стал настоящим занудой! Господи, надеюсь, я не буду такой же, когда мне стукнет 68 лет.

– Это будет через два года, – пробурчал Билл, продолжая осматривать полки на стеллаже.

– Спасибо, что неустанно напоминаешь мне про мой возраст. До чего же ты противный!

– Как и ты!

Сьюзан подняла воротник халата и широко зевнула. Семейная перепалка была для них обычным делом. Каждое утро они цеплялись друг к другу. Если честно, Сьюзан любила перекинуться парой ласковых слов с мужем – это бодрило ее лучше любого крепкого кофе. А если еще удавалась ткнуть мужа в его же «*дерьмо*», тогда весь день она чувствовала себя прекрасно.

Позевав, она еще раз оглядела гараж. Старый джип был уже готов к поездке. На пассажирском сиденье рядом с водителем лежали спиннинг, термос и рыбацкая сумка.

– А в сумке ты смотрел? Ты на той неделе ездил на рыбалку, может, ты их там и оставил? – лениво сказала Сьюзан.

Билл, нахмутив брови, подошел к машине. Он открыл дверь и развернул белый рыбацкий контейнер. Среди лесок, поплавков, твисторов, рачков, червяков и виброхвостов в прозрачной банке лежали двойные крючки. Билл поднял брови вверх и, расплывшись в улыбке, посмотрел на жену. Но Сьюзан уже шла обратно в теплую кровать.

Белый джип ехал по загородной дороге. Рыбацкое место находилось в десяти километрах от города. Это была та самая дорога, по которой ночью ехал священник. Среди высоких сосен, вдоль которых шла дорога, был небольшой спуск. Он то и вел к самому удобному месту для рыбной ловли. Когда-то это место было одним из самых популярных среди мо-

лодых влюбленных парочек. Тихое, красивое, скрытое от посторонних глаз. Автомобиль и пару баксов на бензин, и презервативы – вот и все, что нужно двум влюбленным (хотя не всегда и влюбленным) молодым людям.

Джип остановился на брусчатке. Ею был вымощен небольшой скалистый берег. Он заканчивался резким пятиметровым обрывом в реку. Билл остановился рядом с красным минивэном Chevrolet. На первый взгляд, в нем никого не было, но сладкая парочка могла сейчас мирно спать на задних сиденьях. Билл был не из тех людей, которые заглядывают в чужие окна, поэтому он стал собирать все необходимое для рыбалки. С этого места открывались самые красивые восходы во всем штате. И вот сейчас, открыв дверь автомобиля, нарушая тишину этого места Фрэнком Синатрой, Билл вышел посмотреть на СОЛНЦЕ, которое вставало над горизонтом. Заглушив двигатель и взяв с собой спиннинг, термос с горячим чаем и контейнер со снастями, старый рыболов прищурил глаза, глядя на желтого карлика, и, поправив панаму на голове, стал спускаться к воде.

Спуск был весьма резким. Поэтому рыболовам приходилось добираться к воде длинной тропинкой, которая имела форму змеи. Тридцать метров туда, тридцать обратно, туда и обратно. И так десять раз.

Вскоре Билл уже стоял на краю берега и нанизывал на двойной крючок красный твистор. Зайдя в воду по колено, Билл несколько раз плюнул *«на удачу»* на красную си-

ликоновую рыбку и начал неспешно бросать спиннинг. Река была спокойная. Рыбачить было одно удовольствие.

Заядлым рыболовом Билл стал совсем недавно. В 65 лет он вышел на пенсию. И как оказалась, сидеть дома для него было пыткой. Это видела и его жена. Вот тогда-то, на шестьдесят шестой день рождения, Сюзан подарила ему его первую удочку. Это и послужило фундаментом его любви к рыбалке. Не то чтобы с тех пор Билл стал профессионалом, сказать по-честному, если с рыбалки он возвращался с добычей, то это было знаменательное событие. Все его *«трофеи»* за все время можно было пересчитать на пальцах рук. Но Билл и не старался что-то поймать, ему нравилось просто находиться на природе, вдали от всего мира и наслаждаться тишиной. Разбирался он в рыбалке на таком же уровне, что и в своем кнопочном телефоне.

«Зеленая — ответ, красная — сброс. 1 — быстрый набор Сюзон, 2 — сын Карл».

Вот и все, что он знал о телефоне. На том же уровне он знал и рыбалку. Но ему было приятно осознавать, что у него есть увлечение, в котором Сюзан ничего не понимала. Здесь он был главный. Здесь он был король.

Так в течение часа Билл не спеша кидал наживку. Тихий треск катушки успокаивал его. За час он немного озяб, поэтому решил выйти на берег и согреться горячем чаем.

Попивая чай, Билл стал смотреть на огромные сосны, что росли вдоль реки.

«Высокие гиганты. Сколько вы тут стоите? Сколько еще будете стоять?»

Его взгляд медленно скользил по одной из близлежащих сосен. Она росла почти рядом с водой. Ее огромные корни разрушили грунт и свисали над водой.

«Еще пару лет, и этот здоровяк свалится прямо в реку».

Глядя на дерево, Билл вспоминал всю свою прожитую жизнь. Картинки детства мелькали у него перед глазами. И чем выше поднимался его взгляд от корней, тем картинки в его голове становились все более красочными, но при этом все более грустными. Дойдя до вершины дерева, он словно увидел самого себя на берегу, держащего в руках чашку горячего чая.

«Чертова старость. Становишься сентиментальным, как какая-то девчонка».

Билл опустил глаза и посмотрел на столетние корни. Огромные, словно щупальца гигантского спрута, они торчали из берега.

«Ночью они бы напугали меня до остановки сердца».

Но сейчас на солнце они выглядели величественно. Рядом с одним из толстых корней Билл заметил, что-то странное. Что-то золотистое колыхалось на ветру. Что-то, чего не должно там быть.

«Должно быть, какой-то пакет».

– Сначала я решил, что, должно быть, это какой-то па-

кет, – глотая слюну, говорил Билл.

Прошло всего пару часов. Сейчас берег реки был заполнен толпами полицейских. Они обвязали желтыми лентами всю округу. Десятки из них бегали вдоль берега, стараясь что-то найти. Другие внимательно просматривали пути отхода к этому месту. Изучали все следы, что были вокруг. Полицейских было так много, что Биллу казалось, они сами затопчут все улики. Еще в ушах трещали щелчки фотоаппаратов, которые доносились со всех сторон. С каждым таким щелчком в голову врезалась очередная фотография этого места.

– Так, и что было дальше? – настойчиво спрашивал его офицер Трэвис Брук. Он пристально смотрел на Билла. На его груди красовался золотой полицейский значок, а на поясе висела кобура с штатным «Глоком». От офицера пахло дешевыми кофе и еще более дешевыми сигаретами. Он не внушал никакого доверия.

Билл отвел глаза на край берега, где еще час назад он мирно рыбачил.

«Я больше никогда не вернусь сюда», – промелькнула мысль в его голове.

– Я решил сходить посмотреть, что это. Просто любопытство, решил размять ноги, – говорил Билл, а голове стояла лишь одна картинка – ее белое лицо и пустые глаза. – Я взобрался сюда. Прошел вон там, – рыбак указал в сторону кустов, где уже толкалась парочка полицейских. – Затем я по-

дошел... И увидел.

– Так, хорошо. Больше ничего не видели? Может быть, вам показалось что-то необычным. Вы говорите, что часто рыбачили здесь. Так, может быть, сейчас вам кажется, что тут что-то изменилось?

– Кроме... Девушки, все так, как всегда.

– А на парковке? Вы не видели чего-нибудь странного? Кроме минивэна, вы видели еще какие-то машины, уезжающие отсюда? Или, может, вы встретили кого-то на дороге?

– Нет. Ничего такого. Когда я подъехал, в минивэне никого не было, а заглядывать внутрь я не стал. Вы же знаете, иногда сюда приезжают парочки и... Все такое... Мали, что там могло происходить внутри.

– Да, конечно, – усмехнувшись, сказал офицер, – сам немало девчонок сюда по молодости перевозил, – но заметив, что рыбак на него странно покосился, продолжил. – Что скажите про труп?

– А что я могу сказать? – Билл повернулся и посмотрел на ее золотистые волосы, которые были сильно растрепаны. Мне сначала показалось, что она просто спит.

– Девушке лет семнадцать-шестнадцать. Более двадцати колотых ран в районе живота, – сказал подошедший криминалист. – В карманах были обнаружен телефон и ключи. Рядом следы. Предположительно, мужские. Орудия убийства пока не нашли. Наши парни еще осмотрят всю территорию вокруг. Думаю, девушку можно отвезить. Более подробно

можно будет сказать после вскрытия.

– Хорошо, – сказал офицер. – Увозите, – когда коллега отошел, Трэвис посмотрел на старика, который смотрел на него, словно на призрака. – Билл, вы не против проехать сейчас с нами в участок, где вы еще раз все поэтапно напишете на бумаге. Это очень важно.

Билл лишь утвердительно кивнул головой и последний раз посмотрел на девушку, которая скрылась за замком полиэтиленового пакета. На парковке двое полицейских внимательно осматривали красный Chevrolet. Когда Билл заводил свой джип, рядом раздалась сирена скорой помощи, которая уезжала в город. Старик последний раз посмотрел на реку, в которой еще пару часов назад он беззаботно стоял и ловил рыбу. Билл включил скорость и поехал за машиной офицера. Это был последний раз, когда Билл Коллинз посетил это место.

– Наконец-то, тишина, – сказала Кейт, закрыв входную дверь.

Посмотрев на себя в зеркало и распустив волосы, которые были аккуратно завязаны в хвост, женщина пошла на кухню убирать утренний бардак. Убирая испачканные тарелки в раковину, она посмотрела в окно, где старый Ford Mustang 1973 года, дыша 8-цилиндровым мотором мощностью 225 лошадиных сил, своим ревом давал знать всей улице, что самый лучший отец на свете везет своих мальчиков в школу. Билл и Коли сидели на заднем сиденье и улыбались во весь рот.

«Они никогда не станут так улыбаться в семейном Chevrolet», – с завистью подумала Кейт.

Она ненавидела эту чертову машину всем сердцем. Когда они ждали мальчиков, Сэм настоял, что красную BMW необходимо заменить на этот семейный катафалк. Почему-то его драгоценный Ford остался также стоять в гараже.

– Всем автомеханикам необходимо иметь классную машину. Как ты думаешь, сколько людей будут обращаться ко мне, если я буду разъезжать на восьмиместном Chevrolet? Мой автомобиль – это мое лицо. Да и к чему тебе сейчас BMW? Тебе намного удобнее будет отвозить детей в школу на практичной машине.

Кейт опустила глаза и залила остатки красного клубничного джема горячей водой.

Достав телефон, она посмотрела на экран. Занятия в школе начинались через 20 минут. От Скарлетт так и не было никаких звонков или даже сообщений. Это не было неожиданностью для Кейт. Дочь часто оставалась у подруг с ночевкой. В этом не было никаких проблем, но обычно она предупреждала мать.

«Хотя вчера был день города».

Последний раз Кейт видела дочь на стадионе, когда сжигали чучело Карла Стаки. Потом, как всегда, состоялась дискотека. Мать не сомневалась, что «королева» школы обязательно должна там присутствовать.

«Наверное, так напилась, что побоялась позвонить. Лишь бы пьяная за руль не садилась».

Когда вся посуда была перемыта, Кейт села на диван. Секундная стрелка на старых часах медленно пробегала круг за кругом. Женщина листала новый выпуск журнала Vogue. Но мысли ее были далеко от статей журнала. Она думала о том, что ей пора бы уже устроиться куда-то на работу. Через каких-то девять месяцев Скарлетт соберет сумки и уедет на другой край страны. Это неизбежно. Поэтому Кейт хотела оградить себя от того, что ей придется отпустить дочку. Она считала, что работа поможет ей отвлечься и забыться.

Проблема была в том, что Кейт никогда в жизни не работала. Всего через месяц после выпускного она заберемене-

ла Скарлетт, еще через месяц была сыграна свадьба. Затем она сидела с дочкой, затем она забеременела мальчиками. Да и мысль о том, чтобы устроиться на работу, никогда не посещала ее голову до последнего время. Ей нравилось колесить на своем красном BMW по городу. Гулять в легком летнем платье и ходить по магазинам, держа на руку свою маленькую принцессу. Ей нравилось проводить время со Скарлетт, которая своими большими глазами смотрела на нее. Дочка всегда внимательно слушала ее и старалась сделать так, чтобы никогда ничем не расстроить. Они обожали друг друга. Кейт даже стала считать, что все эти разговоры, о том, что *«маленький ребенок забирает у тебя все силы»* – это все чушь. Но так было только со Скарлетт.

Когда родились мальчики, она полностью ощутила, что значит быть *«вымотанной»*. Мальчики сильно отличались от спокойной Скарлетт. Они часто плакали. Настолько часто, что первый раз, когда Кейт смогла всю ночь проспать, не вставая, было лишь спустя долгих два года после их рождения. Да и потом чем они становились старше, тем тяжелее было за ними уследить. Они были самой энергией в чистом виде. Сидеть на месте – это было не про них. Но, слава Богу, тогда уже Сэм взял мальчиков под свою опеку. Он привил им любовь к спорту, где они выплескивали все свои силы и становились хоть немного спокойнее.

И вот сейчас, когда мальчики пошли в школу, она стала чувствовать себя в доме одинокой. И всякие грустные мысли

стали осаждать ее голову. Поэтому Кейт хотела посвятить себя какому-нибудь делу. Первым ее пунктом плана по устранению одиночества был сад. Год назад на заднем дворе, где раньше висели старые качели и располагался домик на дереве, Кейт решила сделать красивый сад. И всего за год она легко с этим справилась. Теперь она с гордостью приглашала гостей на задний двор, который был произведением искусства. Большая вместительная беседка укрылась в тени под деревом. Она вмещала в себя больше десяти человек. В углу двора вместо ржавого мангала была построена огромная печка для барбекю. Весь двор был искусно выложен натуральными камнями, вокруг которых были кусты различных цветов, таких как розы, пионы, гортензии и лилии. В этом месте нашлось место и для декоративного озера. Без стеснения сад можно было назвать *«восьмым чудом света»*.

Но теперь, сад был сделан и в нем оставалось лишь изредка поливать цветы. Поэтому Кейт искала себе новое занятие. Сейчас, просматривая модные журналы, она с интересом изучала новые тенденции в моде, из которой ее вырвали на несколько десятков лет. Кейт знала, что у нее было безупречное чувство вкуса. Поэтому сейчас, листая журнал, она делала записи в свой блокнот, в котором уже были сделаны два десятка набросков платьев. Она еще не сообщала мужу о своем новом увлечении. Хотя у нее не было сомнений, что он ее поддержит.

Кейт хотела сделать пробную партию платьев и выставить

их в одном из магазинов в центре города. Она хорошо общалась с парочкой владельцев магазинов, так что дело оставалось за малым. Ей нужно было всего лишь ощутить, что сейчас модно и что будет модно завтра.

Так, в непринужденной атмосфере, Кейт сидела в гостиной, попивала чай и делала пометки в своем блокноте. Она уже собиралась идти на кухню готовить ужин, но ее отвлек шум машины, которая остановилась около их дома.

Кейт взглянула сквозь окно в кухне и увидела полицейский автомобиль, из которого вылез Трэвис Брук. Кейт давно знала его. Он был на год старше ее и еще в школе подбивал к ней клинья. Трэвис был не самый глупый парень в школе, но все же ума ему явно не хватало. После школы он подписал контракт и пошел в армию. Десять лет Кейт о нем ничего не слышала, пока однажды не встретила его в магазине. В то время он был простым сержантом и патрулировал улицы. Но сейчас он дослужился до офицера. Честно сказать, дослужиться было не так уж и сложно, поскольку любое дело с легкостью можно было закрыть, ведь сейчас так легко было найти подозреваемого. Они сплошь и рядом, в любом поселении *«грачей»* их были сотни. Если беженец не мог предоставить доказательств того, где он был во время того или иного преступления, то получить от него признание было делом времени, или вернее сказать, делом кулаков и боли. Дело черты, до которой готов дойти человек.

Сейчас он выходил из машины, подтягивая штаны, кото-

рые отвисали под тяжестью «Глока». Трэвис сплюнул остатки табака и, облизав желтые зубы и зачесав свои засаленные волосы назад, с неохотой пошел в сторону входной двери.

Наукой доказано, что у человека есть пять чувств: зрение, слух, вкус, обоняние, осязание. Тогда как тогда объяснить то, что почувствовала Кейт, глядя на офицера? Вдруг страшная паника накатила на нее волной. Ей стало страшно. Так страшно, что она стала смотреть по сторонам, словно стараясь найти мужа, хотя прекрасно знала, что он на работе. Она хотела даже позвать его. Пусть он откроет дверь, она не хочет этого делать. За ней что-то плохое, что-то ужасное. Она слышит, как звон дверного звонка пролетает по дому. Ей нужно идти, нужно открыть, но она не хочет. Она стоит и смотрит на мясо, которое она достала, чтобы приготовить ужин. Капли конденсата стекают с него. Кейт поворачивается и идет к двери. Трясущейся рукой она берется за дверную ручку.

«Пожалуйста, я не хочу. Не надо!»

Глядя на дверь, она вдруг ясно осознает, что за ней ее ждет то, что навсегда поменяет ровное течение ее жизни. Делая над собой усилие, она все-таки открывает дверь.

– Здравствуй, Кейт, – Трэвис держит руки на ремне, словно ковбой. Даже сейчас он находит уместным покрутиться перед девушкой, которую обожал в школе.

– Привет, Трэвис, – срывающимся голосом говорит Кейт. Она пару раз кашляет, приводя голос в порядок. – Что-то случилось?

– Случилось, – опустив глаза, отвечает офицер. – Разрешу, я войду?

Кейт отпускает дверь и проходит в комнату. Она чувствует, что ей срочно нужно сесть. Садясь на кухонный стул, она испуганно смотрит на Трэвиса, который берет соседний и ставит его напротив хозяйки. Видя, как трясутся руки женщины, он аккуратно берет их в свои.

– Кейт, мне трудно тебе об этом говорить, но я думаю, что лучше тебе узнать все от меня, ведь как-никак, мы не чужие люди, – он делает глубокий вздох.

«Какие нежные у нее руки».

– Кейт, я должен тебе сообщить, что твоя дочь Скарлетт... Она мертва. Прости, что...

Женщина смотрит на него, но ничего не слышит. Трэвис продолжает что-то говорить, но она ничего не может разоб-
раться. Слезы медленно текут по ее лицу. Если бы его сейчас тут не было, она бы уже билась в истерике. Но она не может себе этого позволить – ни при нем, ни при ком-либо другом она не станет рыдать.

Кейт вынимает свои руки и идет к раковине. Она слышит, что Трэвис все что-то говорит и говорит. Трясущаяся рука берет стакан и набирает воды. Хочется пить, но вода не лезет в горло. Лишь вымочив губы, она ставит стакан на стол.

– Кейт, я знаю, как тебе сейчас тяжело, но нам нужно съездить в морг на освидетельствование. Я знаю, что тебе сейчас не просто, так что можем сделать это потом...

– Нет, – грубо сказала она, – мы сделаем это сейчас!

– Хорошо, Кейт. Я тогда подожду тебя в машине, – Трэвис вышел из дома, тихо прикрыв за собой дверь.

Кейт достает телефон и набирает номер мужа.

– Алло. Кейт?

– Да, – глотая ком в горле, говорит она.

– Что-то случилось? – по голосу слышно, что Сэм встревожился не на шутку. Жена никогда еще не говорила с ним таким голосом.

– Сэм, наша дочь... Скарлетт... Она...

На дворе конец 60-х годов. За океаном доблестные солдаты умирают на вьетнамской земле, расовая дискриминация запрещена законом, а одну из заметных ролей в жизни людей, в основном молодежи, стали играть общественные движения, такие как *«Феминизм»* и *«Движение за защиту окружающей среды»*. Мартин Лютер Кинг еще не был убит, но уже тогда вся страна чувствовала, что грядут большие перемены.

В этот самый период девушка по имени Джейн Саммерс перебралась из холодной Аляски в центр всех этих волнений. Похоронив так рано покинувшую их мать, отец с дочерью решают сменить обстановку и перебираются вглубь США.

По сравнению с Аляской, их новый дом кажется чем-то необычным, чем-то совершенно новым. Это было не похоже на мирное и спокойное течение жизни на Аляске. Тут каждый день собираются какие-то митинги. Открываются новые и новые общества борьбы со всем на свете. И главное, в любом из таких обществ тебя ждут с распростертыми объятиями.

Молодая Джейн с интересом впитывает в себя, что ей говорят с экранов телевизора, что говорят ей митингующие, и все то, что она читает в брошюрах общественных движе-

ний.

«В этой стране люди меняют мир, тут каждый будет услышан и понят».

Вот только ее отец был против всего этого. Он был слишком стар, чтобы понять, что сейчас творится в мире. Его устраивало, что ему говорили, что и когда делать, что вся его жизнь давно была распланирована поэтапно. Он был из старого рода канадских дровосеков. Он был большой и сильный, такой же, как и канадская ель, и такой же тяжелый и недалекий. На все то, что твориться на улицах его нового дома, он смотрел с ухмылкой. Во всех этих общественных движениях он видел лишь кучу ленивых бездарей, которые пойдут на что угодно, лишь бы не работать. В общем, весь этот новый мир, не впечатлил старого сурового дровосека, в отличие от его дочери.

Со смерти матери и переезда в новый дом прошел уже год. Джейн устроилась работать в швейную мастерскую, которая находилась рядом с домом. А ее отец нашел себе место в одной строительной бригаде, состоявшей из таких же, как он непробиваемых людей. И в то время как Джейн слушала разговоры таких же, как она девушек, яро призывавших ее вступить в движение *«феминисток»*, ее отец слушал старых скряг, которые болтали лишь о том, что *«раньше было лучше»*.

Вся неделя Джейн была расписана по минутам. С утра отец отвозил ее в мастерскую, где она работала до четырех

часов. Потом она спешила домой, где готовила ужин и наводила порядок в доме. После ужина, который был всегда в семь вечера, отец проверял чистоту в доме, и, если оставался доволен, разрешал Джейн посмотреть с ним телевизор. В полдесятого они вместе молились и шли спать. Надо сказать, что после смерти матери ее отец ударился в религию, к которой приучил и Джейн. В выходные дни он оставлял немного денег в кино, но только при условии, что дочь вернется не позже десяти вечера.

Отец Джейн был воспитан суровым мужским коллективом, где за любую провинность наказывали кулаками.

«Да, мой отец... твой дед... был еще тем куском дерьма. Никогда ничего не объяснял, а сразу бил. Бывает, все дела переделаешь, а он раз... И заехал тебе по уху. Потом ходишь и думаешь, что не так сделал? А придешь спросить, так в другое ухо получишь! Вот так!»

Пока была жива мать, воспитанием Джейн занималась она. Но после того как она умерла, вся ответственность за будущее дочери свалилось на плечи старого дровосека. И он воспитывал дочь так, как умел. Так, как воспитывали его.

Если ему не нравился ужин или порядок в доме, он заставлял дочь весь вечер простоять в углу на коленях, или бил тонким прутиком по рукам, считая, что это наказание больше подходит девушке, чем удар в ухо. И это стало нормой для Джейн, к которой ей пришлось привыкнуть с двенадцати лет.

И если с будничной рутинной смириться было можно, то вот выходных дней она боялась.

Каждую пятницу и субботу отец Джейн проводил вечера в компании коллег по работе, сидя в баре и болтая. Потягивая за разговором сначала пиво, а потом что покрепче, мужчины не замечали, как могли оставить в баре не только половину зарплаты, но и здравый рассудок.

Джейн до сих пор помнит тот вечер, когда отец пришел пьяный первый раз. На часах было 23:30. Считая своим долгом дожидаться отца, Джейн сидела и читала книгу. Отец был весьма огорчен тем, что она до сих пор не спит. Так же он решил высказать свое недовольство порядком в доме. Он доказал ей свою точку зрения двумя крепкими ударами по ребрам.

С тех пор Джейн никогда не ждала его по вечерам. Она уходила к себе. Закрыв комнату, она двигала большой книжный шкаф, который стоял рядом с дверью, таким образом, чтобы дверь невозможно было открыть. Каждую пятницу и субботу она слышала, как пьяный отец тарабанит в ее дверь, как он кричит, какими словами называет ее и ее мать. Укрывшись одеялом, Джейн лежала и смотрела на тумбочку рядом с кроватью, на которой стояла фотография так рано покинувшей ее матери.

Так проходили пятница и суббота. А в воскресенье они вместе с отцом шли рано утром в церковь, словно ничего не было. После они заходили в магазин, где покупали про-

дукты на неделю, а затем в аптеку, где они покупали закончившиеся таблетки и заправляли ингалятор отца Джейн.

Так проходила неделя за неделей. Джейн уже привыкла ко всему, но все же, смотря на ярких девушек «феминисток», она хотела что-нибудь поменять. Сидя на коленях в гостиной вечером и держа за руку своего отца, она повторяла заученные ей молитвы, но в глубине души просила лишь об одном: *«Господи, помоги мне поменять свою жизнь»*.

То ли Господь Бог наконец обратил свое внимание на бедную девушку, которая носит перчатки круглый год, чтобы скрыть синяки от деревянной палки, то ли обстоятельства так сложились, но в один из дней Джейн резко изменила свою судьбу.

Был обычный пятничный вечер. Домой спешить не было смысла. Всю неделю Джейн вкусно готовила и исправно поддерживала порядок в доме, поэтому в этот вечер хотела сходить в кино. На часах было 16:00. Швейные машинки утихли до понедельника, и девушки начали потихоньку расходиться. Кто-то шел домой к мужу и детям, кто-то спешил на свидание, кто-то собирался на собрания.

Стоя в темном углу, Джейн натягивала на свои руки перчатки. На работе за швейной машинкой на ее руки никто не обращал внимания, но когда наступал перерыв, она прятала их в карманы своего рабочего халата.

Натянув платок, она взяла старую мамину сумку и стала

уже уходить, но неожиданно к ней подошла девушка по имени Тиффани. Она была одной из сторонниц новых общественных движений. Ее можно было встретить в таких обществах как, «*борьба за защиту окружающей среды*», «*борьба с дискриминацией*», выступала в забастовках профсоюзов и, конечно же, она была одной из самых ярых феминисток. Как Джейн скрывала свои синяки на руках, так и Тиффани скрывала то, что ее дома ждал муж и маленький ребенок. Обручальное кольцо она носила на цепочке с крестиком и всем говорила, что это кольцо ее покойной матери.

– Есть планы на вечер, Джейн? – резко спросила она.

– Я, честно сказать, думала сходить в кино. Там сегодня показывают...

– Ты в те выходные уже была в кино, как тебе не надоело еще туда ходить? – девушка имела странную манеру вести разговор. Она совершенно не глядела на собеседника, а все время оглядывалась по сторонам, при этом говоря тихо и очень быстро, из-за чего с большим трудом можно было понять, что она вообще говорит.

– Ну, там каждый раз показывают разные фильмы, – Джейн чувствовала страх, глядя на эту девушку. При разговоре с ней ее голос становился тихим и тонким.

– Слушай, новые фильмы выходят чуть ли не каждый день. Всех не пересмотреть. Я предлагаю тебе сегодняшний вечер провести со мной, – ее предложение прозвучало как некое одолжение, словно еще пару минут назад Джейн сама

умоляла ее об этом.

– И чем займемся? – робко спросила девушка.

– Сегодня у нас заседание. Я там буду выступать. Хочу, чтобы ты послушала. Ну так что?

– А в котором часу начало? Просто мне до десяти часов нужно вернуться домой, мой отец...

– Не волнуйся, сегодня мы на машине. Клер из бухгалтерии нас подвезет.

– Клер тоже состоит в обществе? – удивленно спросила Джейн.

Клер была большой суровой женщиной, которая больше походила на мужчину.

– Конечно, Клер ни одного собрания не пропустила. Ну так что?

– Даже не знаю...

– Пойдем, хватит ломаться. Это для твоей же пользы, – и Тиффани крепко взяла ее за руку, при этом надавив на синяк, от чего Джейн даже скривила лицо от боли, но, к счастью, ее подруга ничего не заметила.

Они вышли на улицу, где уже стоял старый мини-автобус, за рулем которого сидела бухгалтерша Клер. Тиффани открыла дверь в фургон, где на трех рядах сидений уже сидело около десяти девушек. Большинство из них Джейн видела на работе, но некоторых сейчас встретила впервые. Девушки залезли и сели на свободные места.

Водитель Клер с трудом повернулась и, пристально по-

смотрев на Джейн, спросила грубым голосом:

– Эта тоже с нами?

– Да, Джейн, тоже едет с нами.

– Как скажешь... – пробурчала Клер и, воткнув передачу, так резко нажала на педаль газа, что от неожиданности Джейн чуть не распласталась по салону.

Дорога заняла больше часа. Во время дороги Тиффани любезно представила всех сидящих в салоне девушек, которых испуганная Джейн даже и не пыталась запомнить. Одна из девушек, сидящая около окна, держала в руках сверток с бумагой. Эта хрупкая на вид девушка лет двадцати работала в типографии, в которой она печатала небольшие программки, одну из которых любезно протянула Джейн.

На белом листе бумаги, сложенном в четыре раза, была нарисована девушка, стоящая рядом с гильотиной. Надпись под рисунком гласила:

«Если женщина достойна взойти на эшафот, то она достойна войти и в парламент».

Тиффани ткнула пальцем на рисунок девушки и сказала:

– Олимпия де Гуж. Она написала *«Декларацию прав женщин и гражданок»*. Через пару лет ее казнили на гильотине. Великая женщина.

Наконец-то старый фургон резко затормозил. Одна за одной девушки повыскакивали из фургона и медленным шагом направились в ничем не примечательное здание.

Девушка с программками заняла место у входа и приня-

лась раздавать листовки всем желающим. А их было немало. Помимо тринадцати спутниц Джейн, вышедших из фургона, со всех сторон улицы небольшими группами шли девушки.

Тиффани кивком головы пригласила Джейн пройти вслед за ней в здание. Они прошли в большой холл, который имел весьма печальный вид. Выцветшие обои были изорваны, полы прогнили, из-за чего каждый шаг сопровождался противным поскрипыванием, а воздух был пропитан каким-то кислым запахом. Хотя на улице был еще день, в самом холле было уже темно и лишь через открытые двери в конце коридора проступал свет.

От Тиффани не ускользнул пренебрежительный взгляд, с которым Джейн осматривала помещение.

– Это здание признали аварийным. Скоро снесут. Вот в таких местах нам приходится ютиться. Это тебе не Нью-Йорк, – грустно сказала она. – Но поверь мне, это только начало. Поверь мне.

Посмотрев на свою спутницу, Джейн почувствовала, что такая девушка, как Тиффани, просто так такими словами не разбрасывается. Ее лицо излучало уверенность.

Войдя в открытые двери, девушки очутились в огромном зале. В нем было около трех десятков рядов сидений, обращенных к сцене, на которой располагалась небольшая трибуна. Все окна были завешены, а единственным источником света были сотни свечей, расположенных по всему залу. Над трибуной висел огромный плакат, на котором кривыми бук-

вами был написан лозунг: *«Освобождение женщин»*.

– Прости, света тут не очень много. Электричество давно отключили, а окна мы завесили плотной тканью. Нельзя, чтобы кто-то знал, что мы здесь. Это, кстати, одно из ключевых правил. Думаю, ты поняла?

– Да, конечно. Я никому не скажу, – ответила Джейн.

– Я не сомневалась в тебе, подруга, – подмигнув, сказала Тиффани. – Что ж, мне пора идти. Нужно еще перекинуться парой слов кое с кем. Ты не стесняйся, проходи, присаживайся, мы скоро начнем, – и новая подруга Джейн уверенной походкой пошла к трибуне, где ее уже ждала группа девушек, которые встретили ее радостными воплями и объятиями.

Глядя на это, Джейн почувствовала грусть. Никто никогда так не радовался ее приходу, даже ее отец, а тем более совершенно незнакомые люди.

Практически все первые ряды уже были заняты. Около пятидесяти девушек, сидя на старых выцветших и дырявых стульях, тихо о чем-то перешептывались между собой. Все они были абсолютно разными. Кто-то был одного возраста с Джейн. Справа в углу был кружок из уже давно не молодых особ, которые приходили на такого рода собрания лишь за тем, чтобы убить вечер. Почти рядом с трибуной мирно сидела огромная Клер в окружении девушек с работы. Всего через ряд от нее сидела женщина, которая привлекла внимание Джейн.

Это была невероятно красивая барышня в черной мехо-

вой накидке, стоившей по меньшей мере долларов сто. У нее были ослепительно белые волосы, уложенные в одну из самых модных причесок того времени. Сама женщина выглядела лет на тридцать-тридцать пять. Она сидела совершенно одна и устало смотрела на сцену.

В общем, в этом старом аварийном зале под согревающим светом свечей в этот вечер собрались совершенно разноплановые женщины, но каждой из которых здесь были рады. Каждая из них чувствовала себя здесь уверенно и спокойно.

Заняв одинокое место в самом углу, Джейн ощутила сладостный вкус тайны, которой теперь она была связана наравне со всеми этими женщинами. Ей стало приятно осознавать, что у нее есть теперь секрет, о котором не знал никто, даже отец.

Ровно в 18:00 Тиффани вошла на трибуну и, оглядев присутствующих, одарила всех согревающей улыбкой и решительно начала.

– Приветствую вас, мои друзья. Сегодня я вижу среди нас много новых лиц. Не скрою, мне приятно осознавать, что все большее количество женщин, наконец, перестают питать себя ложными надеждами и решают сами стать хозяйками своей жизни. Конечно, сейчас нас не так много, но поверьте мне, это только начало. Всего каких-то полгода назад мы собирались в небольшой однокомнатной квартире, а сегодня у нас свой зал. Конечно, он оставляет желать лучшего, но повторюсь – это только начало, – голос Тиффани звучал гром-

ко, но все также торопливо, из-за чего съедались окончания некоторых слов.

— Из десяти женщин, ютившихся в маленькой квартирке, тихо читающих *«Загадку женственности»* и боящихся, что они делают что-то противозаконное, мы выросли в целые общество, в котором сейчас насчитывается уже свыше ста двадцати человек. И боюсь ли я сейчас? Нет! Думаю ли я сейчас, что мы с вами делаем что-то противозаконное? Нет!

Глядя в ваши глаза, я ясно вижу, что противозаконно поступают в отношении нас с вами. Общество давным-давно отвело женщине роль в жизни. Роль, которую мы с вами приняли в тот момент, когда врач достал нас из утробы нашей матери и сказал: *«Это девочка!»* Уже тогда наш отец отчетливо видел наше будущее. Уже тогда он прикинул в голове, что не стоит откладывать деньги на образование, ведь девушке оно ни к чему. Ей лишь нужно уметь готовить и рожать детей, а для таких навыков не нужно учиться в Гарварде.

Не стоит винить отца, или мать. Ведь так на нас смотрит каждый. В наше время нам отводится всего-навсего роль домохозяйки. И знаете что? Мы с вами с этим смирились. Да! Смирились! Каждая из нас, лишь дернув плечами, сказала: *«Ну и пусть!»*

Ну и пусть я буду хранительницей домашнего очага, в то время как мой муж будет зарабатывать! Ну и пусть я не буду нигде работать, не смогу зарабатывать себе на жизнь, зато я буду воспитывать детей! Ну и пусть мой пьяный муж будет

приходить под утро, крича на весь дом и доводя меня с ребенком до слез! Ну и пусть он будет изменять мне с каждой проституткой, что встретит по дороге от бара до дома! Ну и пусть он будет колотить меня, когда ему вздумается! Ну и пусть я не буду вылезать из длинных кофт и юбок по щиколотку, лишь бы скрыть следы побоев! Ну и пусть я буду каждый день надевать на лицо маску хранительницы домашнего очага, заботливой матери, а по ночам плакать в подушку! Ну и пусть я буду заглушать боль алкоголем или таблетками и бояться что-то кому-то сказать, поскольку буду знать, что никто мне ничем не поможет, все лишь скажут: *«сама виновата»!*

Так ведь?! Разве мы не сами с вами виноваты, что родились женщиной?! Я хочу сказать вам, что хватит. Хватит этих бесконечных *«Ну и пусть»*. Хватит плакать и бояться! Хватит уже терпеть! Я прошу вас! ХВАТИТ! – Тиффани так резко ударила кулаком о трибуну, что несколько женщин в зале даже вскрикнули от неожиданности.

Каждая из нас имеет полное право на счастливую жизнь. Жизнь, которую она построит сама, не надеясь ни на кого. Жизнь, которую она сама выберет.

Если уж жить, то иметь право на получение образования, право на собственность, право на равенство в браке, право на защиту от домашнего насилия, защиту от сексуальных домогательств, права на труд и равную оплату труда. И, наконец, право на счастливое завтра!

Разве мы этого не заслужили? Каждый день из телевизоров, с экранов кинотеатров, со страниц модных журналов нам внушают, что женщинам не нужно образования, не нужна карьера, не нужны политические права. Но кто это вам внушает? Мужчины. А почему они хотят нас видеть только на кухне в фартуке? Да потому что они боятся нас. Боятся, что мы сможем превзойти их. А я верю, что сможем! ВЕРЮ!

И я верю, что никто и никогда не имеет никакого права сказать мне, как мне нужно жить. Никто. Ни муж, ни брат, ни отец. Когда вы это поймете, тогда вы станете свободными. Тогда вы станете собой!

Гул аплодисментов взорвал зал. Он был настолько оглушительным, что все зажженные свечи заколыхались. Все девушки встали и, не отрываясь, смотрели на оратора. Тиффани стояла на сцене и лишь кивала головой. Все ее лицо было красное, а на лбу выступил пот. Она пристально смотрела в глаза каждой стоящей девушке. Ее взгляд был полон силы, уверенности, незыблемости. Глядя в ее глаза, ошарашенная Джейн, которая нашла в себе силы только встать, вдруг поняла, что хочет стать такой же. Такой же сильной и смелой, как она.

Собрание закончилось в 21:00. Клер отвезла всех обратно в центр города. Обменявшись горячими рукопожатиями, все девушки, с горящими глазами, расходились кто куда. Кто-то шел домой, к любимому мужу и ребенку, кто-то к родителям, сидящим у окна и ждущим свою ненаглядную дочь, а кто-то

бежал скорее туда, где сможет поделиться пылающим огнем, что рвется из груди.

Тиффани предложила Джейн пройтись по вечерней улице. Они шли среди жилых домов. Каждая из них должна была спешить домой, но расходиться совсем не хотелось. Так они проходили дом за домом, пока наконец, пересилив свой страх, Джейн не произнесла едва слышно:.

– Ты такая... сильная.

– Нет, Джейн, я не сильная. Я лишь хочу такой казаться, – уставшая и вымотанная, Тиффани шла, глядя себе под ноги. Ее голос стал тихий и спокойный.

– Ты...

– Джейн, у меня есть муж и ребенок. И сейчас они ждут меня дома. Все мои слова – это всего лишь слова. Я никогда не смогу сделать что-то... Но верю, что сможешь ты.

– Я?! – удивленно спросила девушка.

– Ты, Джейн, ты. Я знаю, почему ты всегда прячешь свои руки в перчатках или карманах, – при ее словах Джейн опустила глаза, к которым стали вдруг, почему-то стали подступать слезы. – Я знаю, почему ты вечно спешишь домой. Я не вправе судить тебя, но хочу тебе сказать лишь одно: ты намного сильнее, чем ты думаешь. В тебе есть огромная сила, которой ты просто боишься, но однажды ты поймешь, какая ты на самом деле.

Неожиданно Тиффани повернулась и протянула Джейн листок бумаги, на котором был написан адрес и номер теле-

фона.

– Звони в любое время. Хочу, чтобы ты знала, никто не имеет никакого права причинять тебе боль.

Девушка не могла поднять на нее глаза, в которых стояли слезы. Тиффани пожала ее руку, которая держала ее номер и, развернувшись, ушла.

Подходя к дому, Джейн заметила, что на кухне и в зале горел свет.

«Значит, отец уже дома».

Все ее тело сразу задрожало от страха. Она знала, что на часах уже 22:21, но надеялась, что в пятничный вечер он придет домой попозже. Стоя в ступоре перед домом, она не могла найти в себе силы сделать хоть шаг. Стараясь не скрипеть дверью, она тихо зашла в дом. Надежда, что ее отец, может быть, уже забылся пьяным сном в кресле, еще теплилась в ее душе. Но его громкий голос в одно мгновение похоронил все ее надежды.

– Где ты была?! – звучал его пьяный голос из гостиной.

– Я была в кино, – неуверенно ответила Джейн. Она сняла обувь и посмотрела на лестницу, ведущую на второй этаж. В голове она представила, как она бежит по ней. Всего каких-то двадцать четыре ступеньки, потом еще десять шагов прямо, вторая дверь направо. Она резко захлопнет ее и подвинет шкаф. Пусть он орет. Он ее не достанет.

– Врешь, – отец встал с кресла. Его пьяные глаза осмот-

рели ее с ног до головы. Джейн собиралась пройти вперед, но резким движением он перегородил ей путь к лестнице. Сейчас его красные глаза гневно смотрели на нее.

– Папа, я хочу спать...

– Который час, ты мне не подскажешь?

– Я не...

– Который час?!

Джейн стояла, опустив глаза в пол. Ее руки дрожали. Отец подошел вплотную. Она чувствовала его дыхание, источающее запах алкоголя.

– Я последний раз тебя спрашиваю, который сейчас, мать твою, час?!

– 22:23..., – резкий удар в живот не дал возможности ей продолжить. Джейн даже не успела выставить руки, она просто упала на задницу.

– Ну, так какого черта ты тут устраиваешь мне спектакль?! Ты знаешь, во сколько нужно быть дома?! Скажи мне?

Джейн не могла дышать. Дикая боль сверлила ей живот, но она понимала, если она сейчас не ответит, то эта самая боль удвоится.

– В 22:00, отец.

Он сел перед ней на корточки и, взяв ее за подбородок, стал смотреть ей в лицо.

– Ты что, думаешь, что ты можешь теперь поступать так, как тебе вздумается? Ты что, возомнила себя тупой американской шлюхой, которая может шлаться все ночь где ей

вздумается, а под утро проходить домой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.